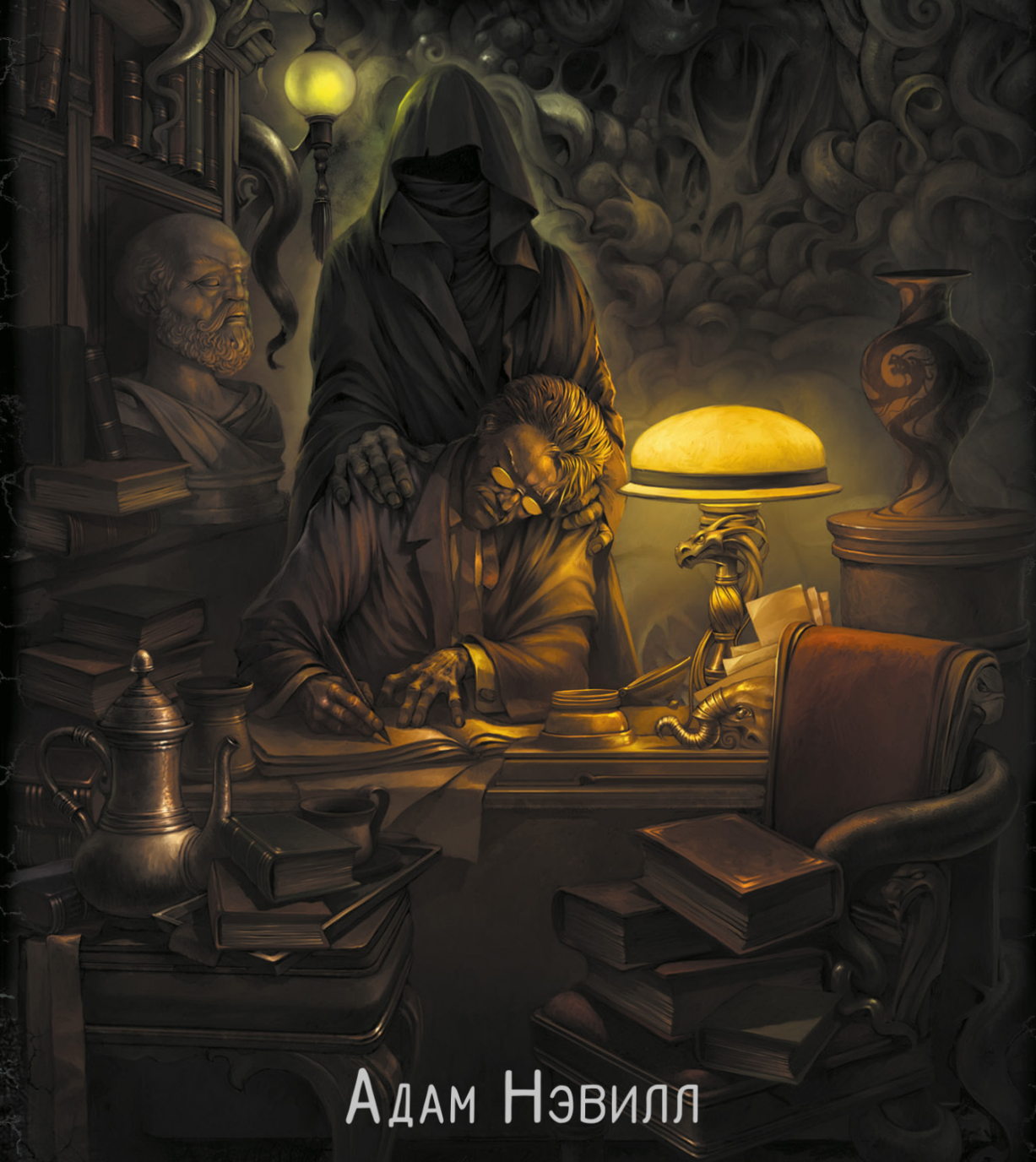

Мастера Ужасов

Адам Нэвилл
ПОД НЕУСЫПНЫМ
НАДЗОРОМ

Мастера ужасов

Адам Нэвилл

Под неусыпным надзором

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Нэвилл А.

Под неусыпным надзором / А. Нэвилл — «Издательство АСТ»,
2017 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-108890-3

Себастьян Логан – успешный писатель ужасов, ведущий спокойную жизнь на английском взморье. Но вскоре его комфортабельное существование прерывает появление пришельца из прошлого, которое он надеялся навсегда оставить позади. Вместе со старым знакомым в повседневность Логана вторгается что-то страшное, и оно неотступно следует за Себастьяном. Он видит странные темные фигуры днем, чужой взгляд не отпускает его даже во сне. Неожиданно он как будто оказывается в собственном романе, а реальность вокруг искажается на глазах. Вскоре Логан узнает, что существуют двери, которые ведут в неизвестные миры, что кошмары, являющиеся нам в забытии, куда реальнее, чем принято думать, а жизнь после смерти существует, вот только это не повод для радости. И попытки Себастьяна избавиться от постоянного преследования, понять, что же с ним происходит, оборачиваются смертельной опасностью, ведь он уже далеко не первый кто исчез, пытаясь выбраться из-под неусыпного надзора.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-108890-3

© Нэвилл А., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Часть первая. Желтые зубы	6
Глава 1. Не верь глазам своим...	6
Глава 2. Слишком тесный покров	8
Глава 3. Кувшин с узким горлом	13
Глава 4. Беспокойная ночь	19
Глава 5. Неуверенность	21
Глава 6. Вниз по последней лощине	32
Глава 7. Время вспать	39
Глава 8. Я могу видеть в отсутствие света	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Адам Нэвилл

Под неусыпным надзором

Adam Nevill
UNDER A WATCHFUL EYE

Copyright © Adam Nevill, 2017
© Татьяна Зельдович, перевод, 2021
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Хью «Мудрецу Херши» Симмонсу, который подвигнул меня на этот труд и всегда оказывался рядом, когда я буксовал на месте

Страстный порыв вырвал меня из лучезарной юдоли света, любви и взаимопонимания и бросил в этот тусклый призрачный мир, куда едва проникает солнце.

Мадам д'Эсперанс. Страна теней, 1897

Часть первая. Желтые зубы

Глава 1. Не верь глазам своим...

Себ увидел его краем глаза.

Высокая, одетая в темное неподвижная фигура стояла на фоне красной береговой линии, будто бросая вызов розовым, голубым и желтым дверям хорошеньких пляжных домиков, стоящих вдоль променада. Каким-то шестым чувством Себ ощутил исходящую от нее угрозу. Вздрыгнул, почувствовав на себе неожиданно тяжелый изучающий взгляд – и в его сознании тут же возникли размытые очертания лица наблюдателя. Себ был готов поклясться, что видел, как фигура деловито оглядывалась по сторонам. Хотя... Скорее всего, все это было лишь игрой его воображения.

Себ отставил кофе, отложил ноутбук, развернулся на скамейке и прищурившись уставился вдаль. Он сидел у края скалы, на мысу с южной стороны пляжа. Несмотря на то, что день был ясным, Себ понимал, что глаза этого человека ему разглядеть не удастся – слишком далеко. Однако он испытывал такой дискомфорт, будто они находились в одной комнате и незнакомец нагло сверлил его взглядом.

Пятьюдесятью футами ниже того места, где устроился Себ, между Броудсэндз и Элбери Коув, до едва видимой линии горизонта раскинулось пустынное море. Береговая линия, изгибаясь, бежала на север – до Пейнтон и дальше, к Торки, – берег цвета бордо и серые утесы достигали Носа Надежды. Какая-то часть Себа все еще надеялась нащупать неуловимый импульс, необходимый, чтобы написать то, что он хотел, но это грубое вмешательство уничтожило все его планы.

Присмотревшись внимательнее, он с удивлением обнаружил, что фигура стояла вовсе не на пляже. Она будто бы возвышалась на несколько футов *дальше* того места, где оканчивался песок. Должно быть, человек находился на мелководе или пристроился на каком-нибудь подводном камне, но впечатление было такое, что стоял он прямо *на воде*. Наверняка какой-то любопытный трюк, связанный с искажением перспективы.

Со своего места Себ мог разглядеть лишь дальнюю часть пляжа. Он наблюдал за тем, как по берегу бегали несколько собак, то и дело бросаясь в тихий прибой и стрелой уносясь прочь, а их хозяева без дела болтались неподалеку, лениво переговариваясь и изредка покрикивая на своих неугомонных питомцев. В море же в это утро не было ни купальщиков (апрельская вода для них еще слишком холодная), ни прогулочных яхт. Немногочисленные посетители пляжа, казалось, совершенно не замечали одинокого стража – даже несмотря на то, как близко к ним он стоял. Возможно, он был настолько непригляден, настолько не вписывался в их милый мирок, что они попросту решили считать его невидимкой?

Себ не мог сказать, откуда взялось это ощущение, но он буквально каждой клеточкой чувствовал, что эта одинокая темная фигура распространяла вокруг себя нечто, заглушающее все звуки жизни. Крики морских птиц постепенно затихали. По мере того как все вокруг умолкало, шум моря становился все громче. Себ все глубже и глубже погружался в себя. Вскоре шум волн, перекрывший все остальные звуки, стал больше похож на журчание проточной воды.

На мгновение Себу показалось, будто его вывернуло наизнанку словно перчатку: тишина поглотила все вокруг и вырвала из привычного мира. Ветер затих. Он чувствовал себя дезориентированным, слегка подташнивало. Шум воды становился громче. Спустя какое-то время – он не мог сказать точно, но казалось, что всего лишь через несколько мгновений, – сознание прояснилось и мысли постепенно пришли в порядок. А затем откуда-то издалека, откуда-то сзади – или вообще из глубины подсознания, – донесся голос, назвавший его по имени.

Себастьян.

Раздавшийся паровозный гудок напомнил ему рев динозавров, чьи раздробленные кости там и сям торчали, словно острые зубы древних чудовищ, из скалистого берега, где известняк и буро-красный песок ссыпались под давлением друг друга. Себ вздрогнул, и даже его вздох, казалось, был порожден кем-то, стоящим за плечом.

За две мили отсюда паровоз, везущий очередную партию отдыхающих, величаво выполз на противоположный мыс, держа путь к большим виадукам, построенным Брюнелем¹. Струи дыма клубились и вытягивались в постепенно исчезающую дорожку пара. Длинная вереница вагонов, окрашенных в шоколадные и сливочные цвета, степенно, с воинственной решимостью следовала за паровозом.

Себ три года прожил в районе залива, но поезд в его сознании до сих пор ассоциировался с миром Агаты Кристи: дамы, джентльмены с тоненькими усиками – все одеты для праздничного ужина. Он уцепился за эти воспоминания, как утопающий хватается за соломинку. Почти умолял этот паровоз вернуть его в мир, который был здесь всего лишь несколько секунд назад.

И тот выполнил его просьбу. Связь со стоящей на берегу фигурой, кем бы она ни была, разорвалась.

Когда Себ вновь посмотрел на пляж и внимательно оглядел его от края до края, наблюдателя уже не было.

Исчез.

* * *

Прошло несколько дней, и он уже нашел довольно рациональное объяснение беспокоившим его событиям: он устал; возможно, в крови резко упал сахар; его загипнотизировала игра солнечных зайчиков на воде.

Но когда вновь увидел этого человека, то понял, кто это.

¹ *Изамбард Кингдом Брюнель* (1806–1859) – британский инженер, одна из крупных фигур в истории Промышленной революции XIX века. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Глава 2. Слишком тесный покров

С утра Себ подготовился к работе над новой книгой. Честно признаться, он скорее заставлял себя поверить в то, что она будет написана, чем действительно писал. Открыл ноутбук, приготовил кофе, налил стакан воды. Сам процесс едва ли походил на то, как он работал над предыдущими романами. В этот раз создаваемые им образы не производили требуемого впечатления, сюжет был банален, наводнен совершенно непонятными, картонными персонажами. Все это было совсем не то, что он хотел написать.

Шесть месяцев ушло на то, чтобы понять: его фантазия иссякла. Вся внутренняя энергия была растрчена или, возможно, вытекла еще тогда, когда он писал свой предыдущий роман. Себ писал его, руководствуясь читательским чутьем – чутье же, словно стрелка компаса, захваченного магнитной бурей, бешено вертелось в круговороте сомнений и неоправданных ожиданий, не говоря ничего определенного насчет качества книги. Когда он отдавал рукопись издателю, то все еще не был в ней уверен. В итоге, когда роман опубликовали, даже его самые ревностные почитатели оказались разочарованы.

Когда-то сады, разбитые на утесе в Гудрингтоне, с их чудесным панорамным видом на залив, были его любимым местом. Здесь он писал свои книги. На этой самой скамейке из-под его пера вышли два особенных для Себа романа. Сады над пляжными домиками и променадом в северном конце Гудрингтона всегда вдохновляли его, но больше всего Себу нравилось любоваться ими весной. В то утро далеко под ногами темное море обнимало узкий лучик света, сбежавший сквозь щель во вратах рая и разметающий по всей поверхности моря до самого туманного горизонта миллионы сверкающих серебром осколков. Где-то справа от скамейки море ритмично отбивало такты какой-то приятной мелодии. *Если ты не можешь писать здесь, то нигде больше не скроишь ничего нового.*

На таком удалении Гудрингтон и Бриксхем, находящиеся еще дальше, могли бы послужить образцами архитектуры прибрежного градостроительства. Их белые с красными крышами домики, построенные на склонах холмов, выглядели так, будто были слеплены из конструктора лего. Отовсюду крохотными метелками выглядывали макушки деревьев, а казавшаяся игрушечной железная дорога разделяла город и побережье. Торбей был единственным местом, где Себ чувствовал умиротворение. Но не слишком ли он размяк благодаря комфортной жизни в этом райском местечке? И вот что интересно. Не мог ли сам мир каким-то загадочным способом, ощутив некий критический момент в его жизни, проникнуть к нему в сознание и заставить его почувствовать себя по-новому, ощутить всю важность и значимость проходящих мгновений?

Себа беспокоило то, что он больше не стремился ввысь, к своей цели, а вместо этого стал слишком часто потакать своим слабостям. Принимая желаемое за действительное, он утратил способность беспристрастно оценивать свои произведения. Видел, как это случалось с другими писателями. Вероятно, наивность поменялась местами с мудростью, а его странность, которую он считал своим фирменным знаком, уступила место нелепому подражанию и желанию угодить публике. Его пугало еще и то, что, пока все шло хорошо, им овладело безразличие к читателю. С самого начала эта новая книга казалась ему чем-то вроде домашнего задания и нудной рутинной обязанностью. Но хуже всего было то, что сам он утратил интерес к жизни. Лишился своей *любопытности*.

Дул свежий ветер, пальмы и розовые и красные цветы вереска вздыхали и покачивались под его легким дыханием. Себ вдохнул сладкий аромат садов, поставил ноутбук на колени и включил его.

В то утро, пока он мылся в душе, к нему в голову пришло первое предложение новой главы, но сейчас он никак не мог его вспомнить. Может быть, это предложение пробудило бы в

нем неугомонный мятущийся дух, некогда заставивший его написать первые строчки. Теперь же его дух почти задышался рядом с ним, как бешеная собака с пеной у рта. Как знать: вдруг это предложение стало бы началом эпизода, способного пробиться сквозь серую массу тупости и непонимания и положить начало маленькому ручейку, которому суждено будет превратиться в великий поток?

Но Себ так и не напечатал ни буквы. Далеко внизу он снова увидел того же непрошеного гостя, что и четыре дня тому назад. Ни единой черты нельзя было различить на этом белом, как кость, лице, скрывающемся под черным капюшоном. Но теперь он был ближе.

И снова у Себа возникло впечатление, что он уловил взгляд незнакомца: чувствовал, как они пристально смотрели друг на друга сквозь скалы и море. И снова этот человек, казалось, стоял не на сухом песке, а в воде. *Или на ней?*

Маленькие фигурки детей резвились на мокром после отлива пляже, кто-то гулял с собакой, кто-то спокойно шел прямо перед этим мрачным стражем береговой линии, и никто не обращал на него никакого внимания.

Прикрыв глаза, Себ поднялся и подошел к перилам.

Наблюдатель поднял подбородок, будто, невзирая на то, что был так далеко, во что бы то ни стало хотел одержать верх в этом противоборстве взглядов.

Во второй раз молчаливый диалог со странником, которого он видел меньше недели назад, произвел на Себа еще более гнетущее впечатление. Он погрузился в этот испытующий взгляд быстрее и глубже, чем в прошлый раз. Его словно обдало холодным порывом ветра, и он поежился. Ему захотелось свернуться в клубок, чтобы стать совсем маленьким, недоступным для взгляда незнакомца. Охваченный страхом, Себ до боли сжал металлические перила.

Шорох прибоя, отдаленное ворчанье машин и слишком четко услышанный им голос ребенка на берегу постепенно затихали, пока единственным звуком, который он слышал, не остался шум льющейся вдалеке воды.

Это было не море. На этот раз он был в этом уверен.

Себ скользнул за живую изгородь. Сосна, которая росла на нижнем уровне садов, делала укрытие более прочным и внушительным. Он вздохнул с облегчением, но внезапно услышал, как кто-то вновь позвал его.

Себастьян.

Мысли смешались, и он вновь почувствовал наступающий приступ дурноты. На мгновение он испугался, что его голова падает вниз – или это земля стремительно подскочила вверх, к самому его лицу. А где же ноги?

Его позвали по имени откуда-то из глубин его собственного сознания, и это что-то, находившееся внутри него, постепенно приобрело форму серого туманного облака, обитающего где-то на самом краю его «я».

Откуда-то Себ знал, что эта бесцветная пустота была безгранична и простиралась гораздо дальше, чем он мог себе представить.

Страх захлестнул его, застыл на пересохших губах. Он выскочил из-за кустов и тут понял, что с трудом передвигает ноги.

Оцепенение прошло так же внезапно, как и навалилось. Фигуры незнакомца нигде не было видно: ни на воде, ни на песке, ни на променаде или в парке позади пляжа.

Себ схватил свои вещи и как попало засунул их в рюкзак, не заметив даже, что шляпа упала за скамейку. Он был слишком взволнован, не мог собраться с мыслями, но все же удержался от того, чтобы пуститься наутек. Вместо этого отправился по серпантину в сад Раундхэм – самое прекрасное место на мысу.

Это был первый раз, когда он не задержался здесь, чтобы вновь восхититься голубым раздольем залива. Далекий Торки выглядел отсюда мозаичным панно белых строений, разбросанных по холмам и скалам, мгновенно переносящим всякого наблюдателя в чудесные страны

Средиземноморья. Но к черту вид! Торопливо пробираясь сквозь ряды сосен, чьи длинные стволы годами гнули и терзали ветры побережья, Себ поспешил в Пейнтонский порт.

Даже если бы кто-то вознамерился увязаться за Себом, ему бы понадобилась вся его сноровка и ловкость, чтобы вслед за ним преодолеть с такой же скоростью многочисленные тропы, сбегаящие по склонам холма. Тем не менее Себ все равно периодически оглядывался через плечо, чтобы убедиться в отсутствии преследователя.

Без шляпы, чувствуя себя как затравленный зверь, покинул он Раундхэм. Его ум метался в поисках объяснения этому иррациональному ощущению: он очень боялся ранних признаков слабоумия и самого ужасного конца, который мог себе представить. Подстегиваемое животным страхом, воображение услужливо предоставило ему список умственных расстройств, порождающих галлюцинации, начиная с шизофрении.

Или он действительно *дважды* видел человека, стоящего в воде? *Одного и того же человека?*

Он был достаточно сильно потрясен, чтобы понять: в этой фигуре было что-то неестественное. Вероятно, невозможное стало реальным во время того странного приступа страха, который он испытал на утесе; он был близок к тому, чтобы поверить в сверхъестественное. А ведь именно это сделало его когда-то знаменитым писателем. Мало того, благодаря паранормальным явлениям он стал одним из тех редких писателей, которые хорошо устроились в этой жизни. Однако до недавних событий, несмотря на любопытство и увлеченность, в божественное присутствие Себ не верил.

Решив во что бы то ни стало смешаться с толпой, что было на него совсем непохоже, он направился к месту, где очень редко бывал: на эспланаду.

Будучи человеком, не отягощенным семьей, да к тому же убежденным холостяком – до тридцати шести запрещал себе даже думать об отношениях (а с тех пор минуло уже четырнадцать лет), – Себ ясно осознавал, что приморская часть города со всеми своими соблазнами была не для него. Но сами отдыхающие, особенно в последние дни пасхальных праздников, не разделяли его глубокого убеждения. Стоял только апрель, да и утро было ранним, но благодаря теплой погоде здесь уже повсюду кучковались пенсионеры и молодожены, молодые семьи и группы подростков, которые всегда оказывались на переднем плане.

Пробираясь между пляжных одеял, ветровок и небольших палаток, Себ прокладывал себе дорогу через береговую линию к Престон Сэндз. Срезав путь, прошел на эспланаду через пирс, и тут его одурманило многообразие ароматов – от жженого сахара до лука для хот-догов – и буквально оглушил несмолкаемый гул. Он ощущал себя мертвецом, вброд пересекавшим воды Стикса, чтобы воссоединиться с живыми. К его удивлению, чувство воссоединения было радостным.

Ненадолго остановившись, он купил пластиковый стаканчик со сладким кофе, чтобы успокоить нервы, и последовал дальше сквозь шум, крики и бречание шарманки на небольшой ярмарке, пристроившейся на лужайке рядом с парком аттракционов. Чувствуя, как этот шум, электрические огни и сама энергия, которая питала еще и пару гигантских громкоговорителей, защищают его и даже приободряют, Себ двигался к окраине, туда, где поток велосипедистов и тележек с напитками и сувенирами постепенно иссякал. Он нашел скамейку с видом на море и тяжело опустился на нее.

Высокой белой стеной позади выстроились отели: домики, дома и дворцы, все еще цеплявшиеся за свое викторианское происхождение. Они казались знакомыми, уютными, и это вселяло спокойствие, как чья-то сильная рука, вдруг опустившаяся на его плечо.

Потягивая кофе, Себ позвонил Бекки. Последние события неожиданно выдвинули на первый план один из тех периодов его жизни, когда нужда в компании, интимной близости и привязанности превышала его желание быть в одиночестве. Он совершенно забыл эти ощу-

щения. Там, в садах, он почувствовал не просто вторжение в свой внутренний мир, а угрозу всем своим чувствам и привязанностям.

Пока он неуклюже возился с телефоном, незримая тень наблюдателя продолжала преследовать его, занимая все мысли. Он никак не мог отделаться от чувства, что все еще находится в поле зрения таинственного незнакомца.

У Бекки стоял автоответчик. Прекрасно осознавая, что сможет сказать ей больше, чем обычно, он все же испугался, услышав нотки отчаяния в своем голосе:

– Привет! Это я. Погода просто чудо... но, думаю, она долго не продержится... Так что хотел спросить: как насчет небольшой поездки к морю? В любом случае я был бы очень рад встретиться... Здесь неподалеку, в Бриксхеме, открылся новый рыбный ресторан...

Себ прервал неуверенные попытки уговорить Бекки приехать, так как нечто иное внезапно потребовало его внимания. Фигура в черном стояла у ограждения пирса между лапшечной и рыбной лавкой. Теперь она была ближе.

Все ближе.

Сейчас их разделяло не более ста метров, и это усиливало чувство дискомфорта. За ним следили, и наблюдатель не был игрой воображения.

Записанное на автоответчик послание вновь зазвучало в ухе, предлагая прослушать еще раз, стереть или сохранить его. Он страстно возжелал, чтобы две опции из трех были доступны не только на автоответчике. Внезапно ему захотелось изменить начало своей взрослой жизни, потому что человек, неотрывно глядящий на него с пирса, показался ему до боли знакомым.

Не может быть...

Себ встал, уронив рюкзак и стаканчик с кофе. Два велосипедиста проехали мимо него плечом к плечу, их головы в защитных шлемах напоминали черепа инопланетян.

Себ рысцой пересек дорогу и, проскользнув между двумя припаркованными автомобилями, достиг променада. Ухватился за перила.

Его страх перемежался с непреодолимым любопытством: ему нестерпимо хотелось понять, кем был этот таинственный наблюдатель. Но еще больше Себу было интересно, как тому удалось попасть с береговой линии Гудрингтона на пирс? Он достаточно часто оглядывался назад и точно знал, что его никто не преследовал. Конечно, это могло быть совпадением: два одинаково одетых человека в разных местах одинаково направили на него свой пристальный взгляд. Но Себ был не в том состоянии, не мог даже попытаться убедить себя в этом.

Ища объяснение появлению человека на пирсе, Себ понял, что, судя по всему, тот знал о конечной точке маршрута. *Чтобы ждать тебя.* И вновь его здравые доводы перекрыло понимание того, что этот незнакомец вполне мог добраться сюда каким-то иным способом, о котором Себ даже не догадывался.

И если это должно было быть воссоединением, – его память начала приотворять некоторые из самых темных дверей сознания. Дверей, которые были давно захлопнуты и наглухо закрыты на два замка.

Внизу, на пляже, кто-то неудачно кинул фрисби. Женщина с огромной татуировкой на голени громко рычала на своего отпрыска. Старушка беседовала со своим супругом. «Но я не хочу, чтобы ты испытывал какое-либо давление...» – сказала она. Чайки кричали, кружась над приливной волной в том месте, где она обрушивалась на песок. И все эти звуки казались такими далекими, будто он слышал их лишь в дневных грезах или отголосках прошлого.

Недоумение и внезапный приступ головокружения заставили Себа прижаться к перилам, чтобы сохранить равновесие. Он буквально физически ощущал нехватку кислорода. Даже испугался, что сила притяжения внезапно исчезла. С надеждой посмотрел на пирс. В каждой черточке его лица была мольба: он просил неведомую фигуру прекратить эту глупую игру в гляделки и отпустить его.

Человек исчез. Он спустился по боковой лестнице, проходящей за пляжными домиками со стороны пирса, или скрылся в толпе, *или даже...*

Себ не имел понятия.

И вновь, уже гораздо ближе, он услышал звук своего имени. *Себастьян.*

Он мог допустить, что слово прозвучало в его голове или откуда-то сзади и немного сверху. Карты путало лишь то, что он узнал этот голос. Лицо говорящего даже на мгновение предстало перед ним, прежде чем окончательно растаять.

Разве такое возможно?

Себ огляделся по сторонам и почувствовал, как его взгляд опускается вниз к припаркованным машинам и фигуре человека в черном. Теперь он стоял на дальнем конце лужайки под тенью ели, позади живой изгороди, доходящей ему до пояса, напротив отеля Коннэйр.

Всего несколько секунд назад он стоял на пирсе. *Невозможно...*

Теперь Себ уже мог угадать очертания бейсболки, длинных мягких волос и густой черной бороды. Само лицо по цвету напоминало сливочный сыр и на вид казалось нездоровым.

Человек поднял длинную руку. Его кисть и запястье были такими же бледными, как и лицо.

Себ неуверенно поплелся через дорогу. Несмотря на то, что от шока у него начал дергаться глаз, все вокруг выглядело обычным. Но мир не был тем же самым. Куда пропал звук? Вероятно, он спит и ходит во сне.

Взвизгнули тормоза. Себ увидел едва сдерживаемое бешенство на пожилом лице за лобовым стеклом, по которому чуть было не прокатился. Как мог, он показал водителю, что глубоко сожалеет о случившемся, и вновь плюхнулся на скамейку, на которой оставил свои вещи.

Мир снова обрел привычные краски и темп. Целая вселенная звуков хлынула, словно вода сквозь плотину, и заполнила его уши.

Скорбный хор чаек над фонарями, на которых они устроили посиделки.

Глухие удары резинового мяча по шоссе, покрытому гудроном.

Хлопок закрывающейся дверцы машины.

Рев мотоцикла на дороге за эспланадой.

Себа била дрожь: ему было так холодно, будто на него вылили ведро воды, а потом вдруг оставили на открытом пространстве под порывами ледяного ветра.

Наблюдатель за живой изгородью исчез.

Глава 3. Кувшин с узким горлом

Еле дыша и с трудом вспоминая подробности своего обратного пути, Себ ввалился в дом.

Даже не подумав снять пальто и ботинки, он ринулся вверх по лестнице и принялся расхаживать по гостиной. Остановился на мгновение, чтобы достать из бара бутылку бренди. Прежде чем начать снова мерить шагами комнату, плеснул немного в стакан. Это противоречило всем законам природы: человек не мог появиться ниоткуда, потом исчезнуть и появиться вновь.

Что это? *Опухоль мозга?*

У него никогда не болела голова. Он никогда не испытывал головокружения. Он вообще никогда ничем не болел, тем более серьезно. Он всегда был настолько озабочен своим здоровьем, что добровольно платил за регулярное обследование и каждый год сдавал все необходимые анализы.

Слабоумие? Это в пятьдесят-то лет? Хотя вполне возможно. Наверное, нужно сдать еще какой-нибудь анализ. Главное – не искать ничего в «Гугле», иначе его страх рискует превратиться в самую настоящую истерию.

Насколько Себу было известно, многие его родственники по отцовской линии страдали от шизофрении. Кто-то находил у себя ужасные симптомы и верил им. Один из них – кузен, которого он, кажется, не видел с самого детства... Он покончил с собой. Двое других плотно сидели на седативных препаратах: лет двадцать назад, на похоронах деда, они сами рассказывали ему об этом. Ну, вот и он – самый вероятный сценарий дальнейшего развития событий. Прошлое настигло его в виде семейного заболевания.

Он представил себе, как продает жилье и ликвидирует все инвестиционные вложения для того, чтобы оплатить свое длительное пребывание в лечебнице. И еще более жуткое видение ближайшего будущего: сильные психотропные успокоительные как единственное средство на какое-то время оставаться человеком, а затем – заточение в белой палате, невозможность понять, кто он, и постепенное полное угасание рассудка.

Себ принялся рыться в поисках телефона, чтобы позвонить своему врачу. Но внезапно выпрямился.

Воспоминания о *человеке* на пирсе и о *нем же* – на мелководье вновь пробудили в его душе самые жуткие подозрения.

Юэн?

Юэн Александер? Какого черта из всех людей, кто был когда-либо ему близок, он видит повсюду именно Юэна Александера – единственного человека, воспоминания о котором он изо всех сил пытался подавить? Юэн был одним из тех людей, которых либо хочется поскорее забыть, либо с едва скрываемым ужасом наблюдать за ними на безопасном расстоянии. Больше всего Себа потрясла не столько неестественность его появления, сколько полная невероятность этого события.

Юэн всегда был довольно трагической фигурой, хотя и вполне безвредной. Негодяем он оказался лишь тогда, когда Себ встретил девушку и освободился от его влияния. *О боже, ты помнишь Джули?* Юэн был настолько непрактичен и неприспособлен к жизни, насколько вообще может быть человек. Потерянная душа. Социально не адаптировавшийся. Неудачник. Хронический алкоголик, злоупотребляющий ЛСД.

Бренди пролилось на пол. Себ волоча ноги прошелся по комнатам своего убежища.

Это не он. Это не может быть он.

Себ не видел его... *дай-ка подумать...* лет двенадцать, если считать с момента его последнего кратковременного вторжения. Тогда он вовсе не появился ниоткуда, а просто позвонил в дверь его лондонской квартиры. Через год он позвонил еще раз, теперь по теле-

фону, и оставил на автоответчике послание, вероятно предназначенное кому-то другому. Но в любом случае с тех пор уже прошла целая вечность.

Себ открыл балконную дверь и жадно втянул полной грудью прохладный морской воздух. У них не было общих знакомых, да и каких-либо дел здесь у Юэна быть не могло. Но если это все же был он, как он это сделал?

О боже! А что, если он умер? Тогда это, скорее всего, был его призрак.

Будучи не в силах любоваться видом из-за ежесекундного страха перед тем, что может появиться под окном и посмотреть вверх, Себ ушел с балкона.

Он случайно выглянул из окна кухни, и ему показалось, что он вновь разглядел одинокую фигуру, наблюдающую за ним из-за потрепанных ветром деревьев. Собрав остатки логики и здравого смысла, он попытался убедить себя в том, что с ним все абсолютно нормально и он находится в здравом уме. Юэн Александер не мог промелькнуть в четырех разных местах в течение нескольких дней.

Изо всех сил цепляясь за столь притягательное объяснение, он убеждал себя в том, что ошибся, или перепутал, или просто ему нездоровилось, и все это было лишь игрой его воображения. Его разум настаивал на том, что тот несчастный год, который он провел вместе с обладателем этого болезненного лица под бейсбольным козырьком, давно канул в Лету.

Но он действительно видел Юэна тем утром. Видел и слышал. От этого Себ чувствовал себя чрезвычайно возбужденным, нездоровым и даже дезориентированным.

Как он проделал все это? Что стало причиной его появления? Почему пропадал звук? Как смог он рассеять структуру мира, чтобы одно место сменило другое? И было ли само слово «место» правильным? Может, стоило сказать: окружение? Сфера?

Юэн Александер.

Боже, нет. Невозможно.

Многое произошло за десятилетие, минувшее с тех пор, как он последний раз виделся со своим «закадычным другом». Только одному Себу удалось преуспеть. На это потребовалось много времени, но он добился успеха в своих литературных изысканиях. Добился цели, о которой они оба мечтали, когда были студентами.

Итак, Юэн явился, чтобы... *преследовать* его в образе привидения?

Себ не желал, чтобы хоть что-то напоминало ему о тех днях. Только не теперь, когда все в жизни шло своим чередом: он получал заказы, писал книги и прямо сейчас пытался закончить еще одну.

В последний раз, когда они встретились в Лондоне, Себ был убежден, что Юэн долго не протянет. Когда это было – в 2003-м? Конечно, никто не мог столько пить и при этом не отбросить коньки раньше времени. А наркотики? Он видел, как Юэн вытряхивал себе в рот из коричневой бутылки чистый МДМ², будто это была всего лишь порция виски. В том, что Юэн уйдет в мир иной в ближайшее десятилетие, Себ был уверен как ни в чем другом.

Когда они впервые встретились в конце восьмидесятых, Юэн уже был приговорен к саморазрушению. Это было тридцать лет назад в баре Союза студентов, и в тот день Юэн был настолько пьян, что не мог сконцентрировать свой взгляд. Он бессвязно болтал о музыке, бранил Mercyful Fate³, Venom⁴, Bathory⁵ и им подобные группы. Вся жизнь Юэна была посвящена медленному осознанному самоубийству.

Они жили под одной крышей всего год. Большую часть этого времени Себ провел, слушая через стенку бессвязное бормотание Юэна, когда тот в очередной раз был под дозой.

² МДМ – метилэндибксиметамфетамин (или экстази).

³ Mercyful Fate – датская группа хеви-метал.

⁴ Venom – британская метал-группа.

⁵ Bathory – шведская музыкальная группа, внесшая значительный вклад в развитие блэк- и викинг-металла.

Как он мог до сих пор оставаться в живых, при таком-то образе жизни?

Но если он все-таки умер, тогда... Эта нелепая, смехотворная мысль, на мгновение мелькнувшая в его голове, заставила Себа затаить дыхание. Он плеснул в хрустальный бокал новую порцию бренди и плюхнулся на свой любимый диван в гостиной.

За высокими, от пола до потолка, французскими окнами с задней стороны дома простиралась панорама моря. Но даже сказочная красота залива не могла в этот раз оказать своего лечебного эффекта. Ни награды, ни картины, ни милые сердцу безделушки, ни дорогая мебель не принесли обычного утешения. Фактически Себ пребывал в состоянии полной неуверенности. Это напомнило былые годы. Юэн всегда заставлял его чувствовать себя неуверенно. Даже когда ему нечего было терять.

Себ не знал, что делать, поэтому продолжал сидеть, озадаченный и понурый, переполненный чувством жалости к самому себе. Все это могло привести лишь к одному: он найдет утешение в бутылке и окончательно опьянеет. В конце концов он сошел вниз, опустил жалюзи в спальне и лег на кровать. Ему нужно было успокоиться и хорошенько все обдумать.

Пойти к врачу вновь стало первостепенной задачей на повестке дня, и выполнить ее следовало завтра же утром. Это путало его планы, и Себ не мог не злиться.

Как объяснить *такое*? Он боялся, что от злости его разорвет на части.

Во мраке уныния и молчания воспоминания о Юэне внаглую протолкнулись сквозь прочие мысли и растоптали более счастливые моменты жизни, охранявшие внешние границы его разума, снесли все барьеры, стоявшие на пути былого.

* * *

1988 год. Юэн преподавал ему первый урок жизни – Себ понял, что таких людей нужно избегать.

Прошлое стало до ужаса реальным. В уме закружилась карусель туманных, темных образов: комнаты с тонкими занавесками, которые всегда были задернуты, и пространство, заполненное эхом пьяного неистовства. Этот период своей жизни Себ описал в двух первых романах, умудрившись извлечь из них Юэна. Уже тогда, работая над книгами и вспоминая былое, он ясно осознавал, что даже художественное воплощение Юэна на бумаге чревато тем, что он рискует вернуть его в свою жизнь.

Те, кто живет в одиночестве, часто разговаривают сами с собой – сейчас, лежа на кровати, Себ твердил: «Я был молод. Неопытен... и одинок».

Старина Юэн буквально пленил его. Застенчивость и учтивость сделали Себа жертвой этого неудачника.

Воспоминания об их старом доме в переулке Уилдинг направили мысли Себа в новое русло. Если у каждого дома есть свое лицо, то лицо этого, порядком потрепанное временем, на долгие годы было накрепко позабыто и упрятано за колючую проволоку.

Цементное крыльцо с волнообразными следами зеленой плесени. Покосившееся здание с грязной насыпью переднего двора и сломанной калиткой. Окна, опоясывающие фасад, в зависимости от времени года то выглядели запотевшими, то покрывались хрусткими сосульками. Когда с сосуллек начинало капать, они походили на мерзкие создания, покрытые слизью. Каждый дюйм бордюрного камня по обеим сторонам узкой дороги был зажат между припаркованными автомобилями. Машины, бесконечно пробегающие мимо днем и ночью, превращали это место в царство шума.

Три комнаты и места общего пользования, не знавшие ремонта с конца шестидесятых. Несмотря на несмолкающий за окнами грохот, его сосед по квартире никогда не поднимался раньше четырех часов дня. Себ вновь видел Юэна, серого от похмелья, с покрасневшими глазами, липким дыханием, в полинявшей футболке «Reign in Blood», свисающей с его костлявых

плеч. Он вновь чувствовал этот тошнотворный запах – запах диких зверей, запертых в душных клетках передвижного зоопарка.

Юэн был на десять лет старше Себа, зрелый студент без намека на зрелость. Учился он с грехом пополам и уже после первого курса оказался второкурсником. Только Юэн мог провалить понятный каждому дураку первый год. Что он вообще делал в университете? Как он туда попал? Эти вопросы задавали себе все, кто знал Юэна. Несмотря на проблемы, родители исправно платили за его учебу. Возможно, они хотели, чтобы он как можно дольше не попадался им на глаза. Но все их вложения шли на крепкий сидр и марихуану, именно поэтому Юэн во многом зависел от Себа, который не давал ему умереть с голоду и время от времени одалживал ему деньги, без всякой надежды получить их обратно. Так было всегда. Во всяком случае, после того, как он перебрался к нему в переулок Уилдинг.

Себ был на втором курсе. Все шло кувырком. Он слишком отдалился от своих сокурсников, и не было никого, с кем он мог бы поселиться. Приходилось сидеть в этой камерке без центрального отопления где-то на задворках города и довольствоваться компанией Юэна. Других вариантов не было. В двух милях находилось общежитие для старшекурсников. Там жили в основном отвергнутые обществом: безработные, всеми презираемые отпрыски из бедных многодетных семей. Одним словом, малолюдная, заброшенная окраина, которая будто стыдилась сама себя. Хотя, к величайшему удивлению, индустриализация затронула и ее: единственная фабрика по изготовлению соуса в бутылках распространяла на всю округу едкий запах патоки и машинного масла.

У окна в доме напротив каждый день от рассвета до заката сидела умственно отсталая индийская девочка. Ее яркое сари вызывающе контрастировало с миром вокруг нее, как появление живых красок в черно-белом фильме.

Той зимой в комнате Себа было так холодно, что все его тело походило на один огромный синяк. Он спал в одежде и кожаной куртке под двумя одеялами. Постоянный запах сырости и гнилой древесины, порошкообразная гниль на штукатурке под отваливающимися от старости обоями – нечто подобное он видел в американских криминальных мелодрамах. Запах гниения смешивался с устойчивым запахом канализации. При каждом шаге из-под разошедшихся половиц вылетал фонтан столетней пыли и медленно оседал на остатки кое-где еще сохранившегося коврового покрытия, истоптанного грязной обувью. Здесь никогда не было кошек, однако запах их мочи неизменно витал в воздухе. Неисправный холодильник. Пищевые отравления. Грудная инфекция. Полное отсутствие туалетной бумаги. Голод. Холод. Расстройства желудка. Мрак.

От обоих жутко воняло. В том доме было слишком холодно, чтобы принимать ванну, но раз в неделю Себ пытался это делать. Как мартышка, плещущаяся в ручье, он неуклюже зачерпывал ладонями едва теплую воду из наполненной на пару дюймов раковины и пытался поливать себя. Ему никогда не удавалось набрать полную раковину воды из старого как мир нагревателя. Но от вони Юэна у него слезились глаза. Это была дикая вонь: смесь запахов скота и этилового спирта с примесью ракообразного моллюска, оставленного на солнце.

У Юэна было не так много одежды, и однажды он целый год носил ее, ни разу не постирав. Себ, как мог, старался обеспечить себе комфорт. На потрепанном матрасе, содержимое которого он даже не пытался исследовать, был навален целый ворох простыней во главе с самой большой из них, на которой, как на Туринской плащанице, отпечатался его силуэт. Пятнадцать фунтов стерлингов в неделю.

Шесть лекций в неделю: трагедии Шекспира, поэты-романтики, романисты Викторианской эпохи. В каждом произведении Себ ассоциировал себя с нищими, отверженными, преследуемыми. Юэн отводил себе роли мрачных героев, поэтов-пророков, искателей приключений, философов и мистических персонажей.

Как при обратной перемотке кадров, все возвращалось назад.

Из-за отсутствия мусорного ведра мусор складывали в полиэтиленовые мешки, которые протекали, словно гигантские чайные пакетики. Весь линолеум на кухне был в грязных разводах и потеках. Разрозненная фаянсовая посуда и дешевые бесцветные блюда, стопками расставленные на барной стойке. Остатки былых пиршеств Юэна и его жалкие похмельные попытки приготовить еду. Переполненные пепельницы возвышались как могильные курганы крематория. Пять фунтов в неделю на еду. Жизнь на консервах. Диета на бутербродах с сосисками и супах из банок.

Под натиском запустения и грязи, которые разводил Юэн и которые уже ничто не могло повернуть вспять, Себ неизбежно отступал и прятался в своей комнате. А там, за стеной, дымились окурки в пепельнице и звучали виниловые пластинки. Повсюду валялись написанные от руки эссе. Юэн представлял себя таким Достоевским, делающим заметки о жизни низов общества, или Гамсуном, нашедшим просвещение в голоде, или Фанте⁶, вопрошающим пыль. Но он был никем. Экспериментируя с ЛСД, Юэн воображал себя Уильямом Берроузом или – дважды в неделю упиваясь до бессознательного состояния перед масляным радиатором в гостиной – Буковски. Каждый раз по утрам, выходя из своей комнаты, чтобы поесть или отправиться на учебу, Себ находил на замызанном коврике рядом с его скрюченным длинным телом шесть пустых банок из-под пива и сидра.

Его долгое мрачное молчание скрывало непереносимую боль. Она пряталась за отяжелевшими распухшими веками. Но никогда и ни с кем Юэн не делился этой болью. Даже в редкие моменты трезвости, когда он наконец разглагольствовал о «Холме грез» Артура Мэкона⁷ или о нуминозных описаниях Алджернона Блэквуда⁸, о привидениях Уэйкфилда⁹ или видениях Блейка и множестве прочих разнообразных вещей: от Шекспира до Black Sabbath, от Шелли до Slayer.

Именно это привлекало Себа в Юэне. Он ощущал благоговейный трепет перед скрывающимся в нем незнакомцем. Чувствовал, что только Юэн в состоянии развить в нем его природную чувствительность к темным силам. Ему было необходимо поверить в собственный статус отверженного. Еще до поступления в университет Себ читал Кинга, Герберта¹⁰, Баркера, Страуба и Лавкрафта, смотрел фильмы Ромеро, Кроненберга, Карпенстера, Ардженто и Фридкина. Но именно от Юэна он узнал о Джеймсе¹¹, Шиле¹², Эйкмане¹³, Кэмпбелле¹⁴, Йейтсе, Хьюзе¹⁵, Бодлере и Рембо. Именно Юэн познакомил его с творчеством Иеронима Босха, Брей-

⁶ *Джон Фанте* (1909–1983) – американский писатель и сценарист итальянского происхождения. Автор романов и коротких рассказов.

⁷ *Артур Мэкен* (1863–1947) – псевдоним Артура Льюэлина Джонса, валлийского писателя и мистика конца XIX – начала XX века.

⁸ *Алджернон Блэквуд* (1869–1951) – английский писатель и путешественник, один из ведущих авторов-мистиков, классик литературы ужасов и рассказов о привидениях первой половины XX века.

⁹ Имеется в виду *Герберт Рассел Уэйкфилд* (1888–1964), английский писатель, автор рассказов о привидениях.

¹⁰ *Джеймс Герберт* (1943–2013) – один из самых известных английских писателей в жанре ужасов.

¹¹ *Монтегю Роудс Джеймс* (1862–1936) – английский писатель, историк, специалист по Средневековью, ректор Королевского колледжа в Кембридже (1905–1918) и Итона (1918–1936). Вошёл в историю мировой литературы как крупнейший мастер рассказа о привидениях.

¹² *Мэтью Филс Шил* (1865–1947) – британский писатель, работавший в жанрах литературы мистического ужаса, раннего фэнтези и научной фантастики.

¹³ *Роберт Эйкман* (1914–1981) – английский писатель, известный сборниками рассказов в жанре хоррора, или историй с привидениями, которые сам, однако, называл просто «странными рассказами».

¹⁴ *Джозеф Джон Кэмпбелл* (1904–1987) – американский исследователь мифологии, наиболее известный благодаря своим трудам по сравнительной мифологии и религиоведению.

¹⁵ *Ричард Артур Уоррен Хьюз* (1900–1976) – британский писатель и драматург, «отец» европейского радиоспектакля. Часть его ранних рассказов («Странник», «Призрак», «Локомотив», «Ночь в коттедже» и др.) непосредственно относятся к фантастике, мистике и жанру ужасов или же имеют фантастические элементы.

геля, Бэкона¹⁶, Спейра¹⁷ и фильмами Рене¹⁸, Бергмана, Нила¹⁹, Линча. Все это коренным образом изменило его мировоззрение, заставив по-другому мыслить, по-другому говорить или вовсе не говорить, а просто позволить своим чувствам выйти наружу и быть.

Он вдохнул в тебя жизнь, как мастер парой оборотов ключика вдыхает жизнь в заводную игрушку...

Но Юэн никогда не хотел отпускать Себа. К концу года Себ уже твердо знал, что Юэна не заботило ничего, кроме как напиться или оказаться под кайфом. И все это время он использовал Себа в качестве сиделки, камердинера, подмастерья, домработницы и восхищенного поклонника. Себ вкалывал в университете, затем вкалывал еще больше после. Но ведь он не был ничем обязан Юэну!

Не Юэн ли постоянно поощрял его желание отвернуться от всего материального, от семьи и друзей? Юэн считал, что бедность и желание избежать ответственности и привязанности было единственным способом стать настоящим художником, истинным творцом. И как только Себ заинтересовался этими идеями, как только начал видеть в них руководство к действию, он почувствовал, что уже не в состоянии по-другому воспринимать окружающий мир. Было ли это неизбежностью? Не в этом ли крылась причина его притягательности для Юэна? А он сам? Не чувствовал ли он, что Юэн был его предназначением? Или, по крайней мере, не был ли он ошеломлен своим собственным смирением? Тогда Себ не знал, что в восемьдесят девятом им уже суждено было расстаться.

А в тот год все только началось. Юэн стал источником его вдохновения. И на протяжении еще пятнадцати лет, занимаясь разными видами подработки – частенько в униформе, частенько низкооплачиваемой, иногда временной или ставшей единственным источником для существования, – перебиваясь в отдаленных уголках города, населенных бедными иммигрантами и теми, кто оказался за бортом жизни, – Себ ощущал на себе менторский взгляд Юэна. Если у других не было иного выбора, то он был просто *не в силах* противостоять его наставлениям. Он так хотел походить на писателей старой школы. Вероятно, теперь призрак Юэна вернулся, чтобы проконтролировать его успехи, скорректировать их согласно одному ему ведомому плану – или обратить все вспять.

После публикации первых рассказов несколько откликов в прессе окончательно убедили Себа придерживаться выбранного курса, хотя время от времени ему очень хотелось узнать, как бы повернулась его жизнь, если бы он решился изменить ее. Но как? Найти постоянную работу? Он и понятия не имел, как это сделать и какая работа ему нужна. *Вот напишу еще одну книгу, тогда посмотрим.* Это была его мантра. По крайней мере, работа над книгами отнимала все его силы. Он всегда был трудоголиком, а потому очень много и усердно работал.

Когда умерли оба его родителя – последней ушла мама, – Себ провел два года на антидепрессантах, нацепив форму охранника, а затем удача улыбнулась ему. Ужасики вошли в моду, и на него обратили внимание.

Но почему сейчас на него обратило внимание его собственное прошлое?

Себ все еще лежал в кровати с опущенными жалюзи. Мало-помалу дневной сон сморил его.

¹⁶ *Фрэнсис Бэкон* (1909–1992) – английский художник-экспрессионист, мастер фигуративной живописи. Основной темой его работ является человеческое тело – искаженное, вытянутое, заключенное в геометрические фигуры, на лишённом предметов фоне.

¹⁷ *Остин Осман Спейр* (1886–1956) – английский художник-окультист, выдвинувший теорию автоматического письма и рисунка, основанную на взаимоотношении сознания и подсознания.

¹⁸ *Ален Рене* (1922–2014) – французский режиссер-сценарист, продюсер и актер, классик французского кино. Получил международную известность за фильмы «Ночь и туман», «Хиросима, любовь моя» и «В прошлом году в Мариенбаде».

¹⁹ *Томас Найджел Нил* (1922–2006) – английский сценарист, лауреат премии Сомерсета Моэма, дважды номинант на премию BAFTA за лучший сценарий для британского фильма.

Глава 4. Беспокойная ночь

Себу снилась зима. Угольно-черное небо и серый свет. Он куда-то идет, а вокруг него люди. Он не знает их. Они передвигаются на четвереньках и выглядят беспомощными, потерянными и как будто слепыми.

– Там есть свет? – спрашивают его.

– Вы не видели мою сестру? – обращаются к нему.

– Я не могу вернуться, – жалуются ему.

Он спускается по склону холма на поле для гольфа. Он часто проходил здесь, когда шел в паб на Черстон Корт. Он идет вверх и вниз по ухоженным травяным холмам. Старается идти быстрее, чтобы оторваться от тех, кто, подобно младенцам, ползет за ним. Он старается не смотреть на них. Они кажутся ему чрезвычайно тонкими и даже в некоторых местах прозрачными. Единственное лицо, в которое он отважился заглянуть, напомнило ему смятую мокрую газету.

Прямо перед ним широко раскинулось море, подернутое дымкой. Себ поворачивается и видит большое белое здание высотой в три этажа. Белый плоский фасад как у огромного мавзолея. Себ никогда раньше не видел ничего подобного. Внутренний двор полон людей, и вот в толпе он слышит голос матери. Ему хочется побежать к ней. С тех пор как ее не стало, прошло уже девять лет, но он почему-то уверен, что действительно видит ее красное пальто.

Себ выкрикивает:

– Что?

И одновременно с ним толпа указывает на небо. Из общего гула ясно выделяется голос матери.

– Вернись! – кричит она. А может, это было «оглянись»?

Он – мальчик. Он сам не заметил, как это случилось – как и всегда, во снах. Он все еще на поле для гольфа, но теперь вместо травы под его ногами опилки. Как раз такие он видел в мясной лавке, когда заходил туда со своей няней. Они были разбросаны повсюду, плотным ковром покрывая холодный пол. Опилки, смешанные с темной кровью. Ему постоянно говорили: «Не трогай грязный пол своими маленькими проказливыми ручонками!» Ему нравилось, как здесь пахло. Это был запах холодных сосисок и железа.

Себ уже по колено провалился в опилки и мелкие древесные щепки. Он задыхается, пытаясь выбраться. Где-то поблизости яростно хлынула вода – будто прорвало песчаную плотину. Себ не видит потока, но боится, что тот вот-вот появится и затопит его с головой. Что-то показалось на горизонте: живое, белесое, оно медленно надвигается, припав к самой земле. Он слышит его приглушенное сопение, и давний страх перед собаками сковывает все его мышцы.

Все, кто, подобно крабам, полз за ним, засуетились и попрятались под перевернутыми камнями. Существо, выбрав Себа своей добычей, приближается все стремительнее. Он изо всех сил пытается найти опору, вырваться из трясины. Кричит, зовет мать. Но она слишком далеко.

Голова существа настороженно замирает, и это заставляет Себа подозревать – *осознавать*, – что под грязной мешковиной скрывается что-то поистине ужасное. Голова поворачивается к нему. У Себа нет сил даже на то, чтобы закричать. Он больше не пытается вырваться – и вдруг вновь отчаянно зовет мать, громко и хрипло.

Внезапно сон переносит его в дом, где прошло его детство. Он сидит на зеленом с коричневыми крапинами ковре и вертит в руках рисунок, на котором, по его мнению, изображен хамелеон. Он видит сверкающую огнями рождественскую елку, узорную стеклянную дверь, фанерное окошко для передачи еды из кухни – образы всего того, что вскоре будет потеряно

для него навсегда. Доносится треск ломающегося дерева: что-то невидимое, но очень большое медленно кружит по кухне, то и дело задевая дверцы буфета.

Когда Себ просыпается и видит затемненную комнату и горизонтальные полосы света, пробивающиеся сквозь неплотно закрытые жалюзи, он с огромным облегчением вздыхает. На щеках – дорожки от высохших слез. Он весь мокрый от пота, мускулы окаменели, а разум в смятении от этого странного сна, сразившего его в разгар дня. Но, помимо неприятного осадка после сна, ему не дает покоя кое-что еще. Жуткий звук. Будто отголосок сна.

Лежа на кровати, он не может собраться с мыслями и определить, является ли этот звук частью его кошмара или же его производит какое-то животное за стеной дома, пытаясь попасть внутрь.

В его сознании тут же возникает образ жилистого тела с головой, покрытой грязной мешковиной. Оно, двигаясь, как собака, прижимается к кирпичной стене дома.

Глава 5. Неуверенность

– Я так многого о тебе не знаю, – сказала Бекки, когда они вернулись из ресторана и расположились в гостиной. Еще несколько часов назад они сидели бок о бок, а теперь смотрели друг на друга из разных концов комнаты. Все в очередной раз пошло наперекосяк.

* * *

Бекки приняла неожиданное приглашение Себа и приехала на выходные, высадившись из дневного экспресса в Пейнтоне с маленьким леопардового цвета чемоданом на колесиках.

Увидев его, она не смогла скрыть удивления. Отвыкшее улыбаться лицо, неразговорчивость, безумный, но изможденный вид и заикливость на собственных мыслях не могли спрятать ни выстиранная и выглаженная рубашка, ни свежесбрившиеся и обрызганные хорошим лосьоном после бритья щеки.

Себ домчал ее со станции на своей машине. Это было на девятый день после появления Юэна на пирсе. С тех пор он ни разу не чувствовал себя в безопасности, находясь вне дома. И несмотря на то, что погода была еще лучше прежнего, восхищая всех ярким солнцем и безоблачным небом, он выходил на улицу едва ли раза четыре за все это время.

Он выбирался в магазин только в случае крайней необходимости, и даже тогда чувство, будто опасный хищник наблюдает за ним из-за угла, готовясь к прыжку, не покидало его. В ожидании приезда Бекки ему пришлось обратиться за помощью к курьерской службе, доставлявшей на дом товары из супермаркета.

– О боже! Я влюблена в твой дом... Только посмотри, какой вид!.. Ты сам-то как? По дороге сюда я дочитала твою книгу. Ту – про корабль. Она... другая. Ты уверен, что у тебя все в порядке? – спросила Бекки, едва переступив порог и скинув пальто.

Себ жил в построенном в двадцатые годы, а ныне модернизированном таунхаусе. Предыдущие владельцы сделали такой ремонт, что теперь дом был вполне достоин собственного разворота (а то и двух) в скандинавском журнале по дизайну: свободная планировка второго и третьего этажа, много света и воздуха, дерево и правильные углы, спальни на втором этаже и гостиная зона на третьем, использование солнечной энергии. На первом этаже находился гараж на три машины и большая просторная прихожая.

Когда Себ впервые увидел этот дом, ему тут же захотелось зайти в него и лечь спать. Он так до сих пор и не смог объяснить себе, чем этот дом его так привлек: он значительно выходил за рамки его бюджета.

– Что слышно о фильме? – рассеянно спросила Бекки. – Когда выходит? Можно открыть эти двери? Я хочу на балкон.

– С моря дует холодный ветер.

– Там плюс девятнадцать.

Себ изобразил любезную улыбку, от которой у него заболело лицо. Нервы его были напряжены до предела: он вздрагивал от каждого звука. Хотя куда больше его испугала бы внезапно наступившая тишина.

Бекки вышла на балкон. Закрыв глаза, она жадно вдыхала морской воздух – так, как он сам уже разучился. Спустя несколько минут она вернулась в комнату, села на диван рядом с Себом и крепко прижалась к нему, в одной руке держа бокал вина, а другой накрывая его нервно подрагивающую ладонь.

– Ты выглядишь не слишком счастливым. Ты не рад меня видеть?

– Не говори так. Я считал дни.

– Тогда что? Ты прячешь за спиной кольцо?

Себ побледнел, и Бекки взвизгнула от смеха.

– Я...

Он был не в состоянии продолжить фразу. Он твердо решил рассказать ей про Юэна и даже репетировал перед зеркалом. Но сейчас все это показалось ему слишком абсурдным. Он не хотел ни выставить себя на посмешище, ни выглядеть трусом.

Бекки вытянула одну ногу и кокетливо подняла бровь.

– Не могу поверить, что ты промолчал. Я купила их специально для этой поездки, а ты даже не взглянул.

Она говорила о своих сапогах: блестящих, на высоких шпильках, словно вторая кожа охватывающих ее ноги до самых колен. Она надела их с юбкой-карандаш, что делало ее походку немного семенящей и неуверенной, зато чертовски привлекательной и даже соблазнительной. Легкий шорох, с каким внутренние поверхности ее бедер терлись друг о друга, обычно наэлектризовывал его. Обычно – но не сейчас. Он должен был бы чувствовать приятную тяжесть нарастающего возбуждения, но... Сладостное и привычное «нормально» было слишком далеко от того состояния, в котором он теперь пребывал.

– Они великолепны.

Как бы он ни старался, его слова все равно прозвучали неубедительно, и Себ уловил на лице Бекки легкую тень разочарования. Он понял это по тому, как она опустила длинные роскошные ресницы, прикрыв свои зеленые глаза, пленившие его с первой же встречи.

– Тебе следует узнать, что еще на мне надето.

Она провела кончиками пальцев по коленям, утопающим в подобранных к дивану солнечных лучах. Себ придвинулся ближе и прижал ее к себе. Это не был порыв страсти – скорее чувство благодарности и желания быть утешенным. Он обнимал ее как друг, ибо именно в этом он сейчас так отчаянно нуждался. Хотя Бекки не была ему безразлична, он всегда держал ее на некотором расстоянии. Полгода они просто спали, не сковывая себя обязательствами и живя порознь, но он понимал, что за это время она крепко привязалась к нему.

Бекки нашла его ухо.

– Хочу прогуляться и поплескаться в море. А еще напиться до безумия. Но в таком виде я точно никуда не пойду. Как только мы хорошенько поприветствуем друг друга в твоей спальне, я переоденусь.

Она наклонилась и нежно нажала на его достоинство.

– Я думала, ты уже готов. Я что-то не так сделала?

Конечно, все было так, и ему очень хотелось сказать ей об этом. Она была такой живой, такой дерзкой, такой шаловливой. От ее сладкого запаха у него кружилась голова. Она была такой же доброй и обворожительной, как в тот день, когда они впервые встретились на литературном фестивале. Ему хотелось сказать ей все это, но он молчал. И вовсе не из-за своей природной скрытности или боязни перейти на следующий уровень их отношений. Он чувствовал себя загнанным в угол, переживания лишили его дара речи. Он был из тех людей, что чувствуют себя гораздо старше своих лет и никогда не заикливался на эротике. Главной причиной его молчания был Юэн – или то, что пряталось под его личиной.

* * *

В течение предыдущей недели он приходил к Себу еще дважды. И с каждым новым «визитом» он был все ближе.

Через два дня после происшествия на пирсе, сразу после того, как его начали преследовать эти жуткие ночные кошмары, Себ был вынужден выйти из дома. Стараясь держаться среди толпы, он добрался до Плимута. Прогуливаясь по центру города, он увидел Юэна. Тот стоял перед крестом святого Андрея, в начале Королевской площади. Себа вновь охватило

ощепенение. Затем он почувствовал, как что-то затягивает его в пустоту, все мысли смешались и будто исчезли. Шум проезжающих машин, далекие крики чаек, гомон толпы, скрип инвалидной коляски, проезжающей по тротуару, одинокий гудок теплохода, стук дверцы фургона, развозящего еду, – все пропало в один миг. Но он ясно видел преследующее его лицо и эту мрачную ухмылку – неприятную, насмешливую, торжествующую.

В появлении Юэна в Плимуте было нечто еще более угрожающее. В этот раз он встал прямо у него на пути, всем своим видом показывая, что их встреча неизбежна. Потом он исчез. Не ушел, передвигая ногами, как все нормальные люди, а просто исчез. С разных сторон площади к монументу подошли две разные группы людей, и, когда они прошли мимо, Юэн испарился.

На этот раз Себу удалось лучше рассмотреть его. В бороде появились тонкие ниточки седины. На нем было что-то вроде темного плаща на молнии, застегнутого до самого подбородка и затянутого поясом на его тощей талии. Черные джинсы слишком узкие для человека его возраста и слишком короткие для его длинных ног. Когда они были студентами, Юэн всегда носил слишком короткие джинсы, не способные спрятать выглядывающие на целый дюйм из его грязных кроссовок носки.

Себ вернулся в машину, но тут же пожалел об этом. На том уровне парковки, где он оставил свой «мерседес», было мрачно и одиноко. Спеша оказаться подальше от тишины и сумрачности многоэтажной парковки, он споткнулся и наступил на собственный ботинок. Еле устоял на ногах и неуклюже засеменил вверх по цементной лестнице. От Юэна уже давно не осталось и следа.

Надеясь, что небольшой речной круиз отвлечет его от мрачных мыслей и абсурдных видений, Себ решил поехать в Дартмур и купить билет на пароход до Тотнеса. Это было через два дня после происшествия в Плимуте. Юэн появился вновь: он стоял у дороги в нескольких сотнях метров от его дома.

Себ ехал в направлении залива Святой Марии и только начал поворот на Рэнском-роуд, как увидел Юэна, одиноко стоящего на тротуаре. Себ едва справился с управлением. Юэн стоял, выпрямившись в полный рост, что было странно: раньше он всегда застенчиво сутулился. Сейчас Себ вспомнил, что и в свои предыдущие появления Юэн стоял прямо. Себ все еще отказывался назвать это *вызовом*, но что-то должно было измениться.

За ту секунду, что он проезжал мимо Юэна, Себ заметил неприятную бледность его лица, искаженного гримасой презрения. Он не улыбался. Лишь молча смотрел на него.

Не сумев совладать с чувством страха и дискомфорта, Себ резко свернул к краю дороги. Позади раздался громкий скрежет тормозов и резкий звук клаксона. Торговый фургон с громким ревом промчался мимо.

Хорошо знакомая композиция на радио вернула его к действительности.

Он поднял голову. Юэна нигде не было видно.

Себ вернулся к дому, от которого успел отъехать лишь на полмили. Он понял, что это был знак. Но даже дома уже не было безопасно: Юэн наверняка достанет его и там.

В тот же день Себ с новыми силами принялся искать в Интернете какую-нибудь информацию о Юэне Александре. Но, как и раньше, не смог найти ни следа своего бывшего соседа по квартире. Он работал, оставив балконную дверь открытой. Внезапно он заметил, как банные полотенца, сохшие на балконе, зашевелились. Он резко развернулся в их сторону и замер, пораженный уверенностью, что ясно увидел, как углы простыней, словно руки, поднялись и поманили его к себе.

Несомненно, это снова была лишь игра его воображения, но он бросился на балкон... На секунду замер, приняв зонтик от солнца на увитом плющом соседнем балконе за высокую фигуру, стоящую низко опустив голову.

Еще один обман зрения. Себ немедленно закрыл жалюзи во всех комнатах. Они оставались опущенными вплоть до субботы, до момента приезда Бекки.

* * *

Себ слишком нервничал, чтобы почувствовать стыд за неудавшуюся попытку секса. Он доверху наполнил бокалы. Прожив двадцать лет в одиночестве, он взял за правило никогда не откупоривать бутылку до четырех часов. Но к этому моменту все его трезвеннические зарок давно перекочевали в долгий ящик. Бекки молча приняла душ и переоделась.

Они отправились на ранний ужин в Бриксхемскую гавань и едва ли перекинулись друг с другом парой слов, спускаясь вниз по холму. Бекки неестественно громко восхищалась красотой местной набережной, а он рассеянно кивал головой, вглядываясь в лица прохожих. Он ощущал разочарование Бекки, но это заботило его не так сильно, как то, что в любую минуту могло появиться из толпы.

Себ чувствовал себя виноватым, ведь он пригласил ее исключительно для того, чтобы получить еще одного свидетеля своих видений. Он по-прежнему боялся, но все-таки из всех сил желал появления Юэна. Если она не увидит его, то бог знает что происходит с его психикой. А вот если увидит и окажется, что Юэн действительно здесь... Конечно, он не особенно обрадуется этой новости, но, по крайней мере, поймет, что не сходит с ума.

В ресторане Себ задумчиво гонял по тарелке своего лобстера, не забывая, однако, то и дело прихлебывать пиво из большой – неизвестно какой по счету – кружки. Наконец ближе к десерту терпение Бекки лопнуло.

– Я не собираюсь снова тебя об этом спрашивать, но с тобой что-то не так, Себ. Ты какой-то другой. Ты не рад моему приезду?

– Бог мой, нет!

Ее беспокойство переросло в раздражение.

– Тебе придется со мной объясниться. Ты решил порвать наши отношения? Какого черта ты не сказал мне об этом по телефону? Мог бы, на худой конец, воспользоваться электронной почтой!

– Нет-нет! Не смей так думать!

– Тогда в чем дело?

Она потянулась к нему и дотронулась до его руки – той, которая не выпускала стакан с момента их взаимной неудовлетворенности в постели. И в этот момент его прорвало.

– Меня беспокоит... кое-что. Здоровье. Мое психическое состояние.

– Что? Она вернулась? Я имею в виду, депрессия?

– Я еще не был у врача. Пока нет... Понимаешь, я не уверен, что врач сможет мне помочь. – Себ поежился. – Я думаю, кое-что вернулось в мою жизнь. *Кое-кто*.

– Женщина.

– Я бы хотел, чтобы все было вот так просто. Тогда я смог бы что-нибудь сделать.

– Сделать что?

– Забудь про женщину. Это не женщина. Я говорю о мужчине.

Бекки с облегчением выдохнула, но по-прежнему выглядела обеспокоенной.

– И, нет, я не собираюсь рвать наши отношения. Ты решила это, потому что... там, дома?.. Бекки, это не имеет никакого отношения к сексу. – Он замолчал, чтобы отпить еще пива. – Бекки, у тебя когда-нибудь были... галлюцинации?

– Сколько ты выпил, Себ? Ты не останавливался с момента моего приезда. Знаешь ли, ты живешь здесь совсем один, пишешь свои книги, день и ночь сочиняешь всякие ужасы и при этом непрестанно пьешь. И это может быть на пользу твоему здоровью?

От стыда, что он вот-вот может расплакаться, Себ закрыл руками лицо. Сочувственный тон и дружеское участие вкупе с выпивкой лишили его дара речи.

Он глотнул пива, чтобы проглотить комок, застрявший в горле.

– Нет, это не то... Все, конечно, так и выглядит, но это не так! Много лет назад в моей жизни был кое-кто. Он даже был мне другом... А сейчас я повсюду вижу его. Повсюду. А этого не может быть. Это не нормально.

Бекки слегка побледнела:

– Ты говоришь, что видишь повсюду того, кто умер?

– Я не знаю. Я его уже сто лет не видел! Последний раз так... мельком. Он неожиданно появился у меня в Лондоне двенадцать лет назад. Я пытался ему помочь, но потом пришлось вычеркнуть его из своей жизни.

– Почему?

– Он пошел по кривой дорожке. Выпивка. Наркотики. Ему нужна была моя помощь, но у меня не было денег. Тогда не было. Но я приютил его... на какое-то время. Пытался наставить его на путь истинный и все такое... Бесполезно. На следующий год он позвонил мне и... Я могу поклясться: он был не в себе.

– Боже...

– До этого, еще задолго до Лондона, в университетские годы, мы вместе снимали одну квартиру. В восьмидесятых. Длинная история. У меня не было желания видаться с ним после выпуска. Как и у всех, кто знал его. Он был... Ну, скажем, трудным...

– Задница?

– Я так думал. Но это было нечто большее. В нем было что-то...

– Опасность?

– Когда был пьян или выходил из себя – пожалуй. Но не по отношению ко мне.

Однажды, после того, как Себ закинулся галлюциногенами, Юэну пришлось физически сдерживать его. Но это был единственный раз, когда он дотронулся до него. Но Юэн действительно был силен.

– Он ценил меня. Нашу дружбу. Больше у него никого не было.

Бекки неуверенно оглянулась через плечо.

– Он здесь?

– Я не знаю.

– Если ты видишь его, он должен быть здесь.

– И я так думал.

– Я не понимаю.

Себ и Бекки были близки настолько, насколько могут быть близки случайные любовники, а то признание, которое ему предстояло сделать, требовало большей степени близости, однако ни с кем другим поделиться этим он не мог, и это удручало его. Он чувствовал то же самое, когда болел в одиночестве.

– Вот он есть... и вот его нет. Он появляется, а потом... вроде как исчезает... Он зовет меня по имени, но не вслух. Я будто слышу его голос у себя в голове.

Бекки была уже не в силах скрывать свое неудовольствие.

– Тебе надо провериться. И прямо сейчас! Как давно это происходит с тобой?

– Почти две недели.

– Две недели! И ты еще не сходил к врачу?

– Нет... Я не уверен...

У Пруста Себ читал, что память может стимулировать запах прошлого. Внезапно Себ почувствовал, что запах, который витает вокруг их стола, напоминает ему тот, что исходил от Юэна в 1988 году. Он ясно увидел его удлиненное лицо, лоб с бисеринками пота и пылающие от интоксикации щеки, нездоровый призрачный взгляд, как будто после выпивки в него все-

лялся кто-то другой. И если дьявол появляется, стоит лишь упомянуть его имя, значит, Юэн Александер должен сидеть за соседним столиком.

Себ реально ощущал его запах. Ошибки быть не могло. Пот, насквозь пропитавший кожаную куртку, которую Юэн носил в любую погоду. Немытые сальные волосы. Смесь свежоткупоренного алкоголя с застоявшимися запахами спиртного. Всем этим несло от одежды Юэна, от мебели, на которой он сидел. Этот запах как шлейф тянулся за ним сквозь комнаты, по которым он проходил.

– Ты чувствуешь этот запах? – Голос Себа был не громче шепота.

– Ты разыгрываешь меня? Где, Себ, где он?

– Там. – Теперь его шепот напоминал шипение. Он указал на окна, выходящие к докам.

Будто в подтверждение его слов, мачты яхт заколыхались, как растрепанные знамена марширующей армии. Призрак Юэна уже не был далеким и туманным, он определенно находился в этом зале. Голос Бекки пропал, словно кто-то выключил звук.

И тут Себ увидел Юэна: тот стоял совсем рядом, прижавшись лицом к окну. Постукивание обеденной посуды, приглушенные голоса обедающих – все отошло на второй план. Музыка смолкла. Все выглядело так, как будто Юэн подошел поближе, чтобы отблески стекла не мешали ему рассматривать помещение. Он знал, что Себ находится внутри, но не знал, за каким столиком.

Когда этот мрачный взгляд все-таки отыскал его, да еще в такой приятной компании, его бородатое лицо напряглось, а черные глаза сузились от ненависти. Презрение смешалось с внезапной острой болью. Себ уже видел этот взгляд много лет назад, когда это лицо было значительно моложе. Юэн так же посмотрел на него, когда узнал об отношениях Себа и Джули. Тогда Юэн увидел начало конца. Он взбесился от ревности. Даже спустя тридцать лет он не забыл нанесенной ему обиды.

Наваждение закончилось. У Себа закружилась голова, и он вынужден был обеими руками ухватиться за край стола. Шум и суматоха мира вновь вернулись в помещение и ревущей рекой хлынули ему в уши.

– Где? – спрашивала Бекки. – Где он? Куда ты смотришь? На окно? На какое?

Он был таким явным, это длилось так долго – как Бекки могла просмотреть? Покрытое пылью лицо, испачканные волосы – будто Юэн вскарабкался сюда из самой гавани. Он стоял у окна, скаля зубы, как какой-нибудь неандерталец.

Она ничего не видела. Себ понимал, что она просто хочет успокоить его, говоря, что, *вероятно*, смотрела не в то окно. Но она должна была. За ее спиной было только два окна. Юэн стоял так близко, его было очень хорошо видно.

Затем он пропал. Исчез за спиной у проходившей мимо официантки.

Будучи не в состоянии справиться с охватившим его ужасом, Себ какое-то время стоял не шелохнувшись, пытаясь преодолеть шок.

Шизофрения, или скоротечное развитие слабоумия, или деменция с тельцами Леви²⁰. Он хорошо изучил этот предмет, пока пытался отыскать Юэна в Интернете. Это заболевание вполне можно получить в пятьдесят лет. Было ли это лучшей альтернативой тому, чем еще можно было объяснить его состояние?

Даже в детстве Себ был хмурым и нелюдимым. Окружающие называли его угрюмым, замкнутым человеком без чувства юмора. Некоторые относились к нему настороженно. Но под его мрачным видом скрывалась неуверенность. На своих детских фотографиях он сам мог видеть свой патологический пессимизм. Он всегда старался избегать любых конфликтных

²⁰ Деменция с тельцами Леви – предположительно, является второй после болезни Альцгеймера по частоте среди нейродегенеративных заболеваний. Характерны рецидивирующие визуальные галлюцинации и выраженные колебания внимания и интеллекта в течение дня.

ситуаций и очень остро реагировал на критику. Все эти качества так и остались при нем. Себ копил в себе обиды. Он был не в состоянии простить ни простого пренебрежения, ни открытого издевательства, ни случайных поддевок. Таким же был Юэн. Глядя на Юэна за окном ресторана, он увидел в стекле неясное, отдаленное отражение своего хмурого лица. Наконец он понял, что подспудно беспокоило его все это время: он видел постаревшего Юэна. Это в корне разрушало его теорию о галлюцинациях. Изображение Юэна было слишком реалистичным, чтобы быть созданным одним воображением. Если бы это была галлюцинация, он увидел бы Юэна таким, каким помнил его.

Он напомнил себе о том, что сумасшествие считается одним из самых творческих состояний человека. Он мог все это придумать, ведь любое другое объяснение противоречило законам природы. Насколько гнусно тогда развлекалось с ним его воображение! Но если Юэн умер и это действительно был его призрак, то именно *он* являлся Себу. И теперь не осталось никакой возможности избавиться от него.

* * *

Дома Себ почувствовал себя в безопасности. Может быть, потому, что до сих пор верил, что Юэн не сможет сюда проникнуть. *Иначе он давно бы это сделал.* При мысли о том, что он, вероятно, сделает это в ближайшее время, та малая часть обеда, которую он кое-как проглотил, запросилась наружу.

Бекки тоже ожидала от этих выходных совсем другого. После странной выходки Себа в ресторане ее беспокойство только усилилось. С момента их возвращения домой он не переставал прикладываться к бутылке и сейчас неровной походкой расхаживал по гостиной, то и дело опасно кренясь в разные стороны, и ничего не мог поделать с этим, как ни старался сконцентрироваться.

– Что он тебе такого сделал? – Бекки решила поставить вопрос ребром.

Что он сделал! И целой ночи не хватит, чтобы рассказать об этом. Можно ли в двух словах поведать о силе разрушения? Начав говорить о Юэне, он уже не мог остановиться. *Надо покончить с этим.*

Бекки была шокирована тем, с каким напором Себ стал копать и перекапывать пласты своей памяти, рассказывая о Юэне. Образы бывшего хлынули, как прилив сточных вод, поднятых наводнением. Поток нечистот лился прямо из воспоминаний в убежище его чистого современного дома.

Большие красные кулаки Юэна, оставляющие вмятины в дверях. Тяжелый металл. Металлисты, воспевающие тьму и смерть. Адские звуки, производимые колонками его стереосистемы, которые трещат и шипят, как сало на сковороде, адской сковороде. Дым сигарет с марихуаной, пикантный, как грейпфрут с сосисками, заполняет все неосвещенное пространство прихожей и клубится под перегоревшими лампочками, на которые вечно не хватало денег. Монеты в счетчике, монеты Себа. Блевотина в ванной. Дешевый хлеб. Видак с ужастиками, работающий всю ночь. Банки, банки, банки от пива и сидра, пустые банки в переполненных урнах в саду. Порыжевшие от никотина кончики пальцев. Зубы, желтые из-за отсутствия ухода и злоупотребления табаком и крепким чаем.

Желтые зубы. Рот, обрамленный черной бородой. Настоящий козел. Розовые десны и желтые зубы. Дыхание зловонное, как у бродячего пса. И эти зубы цвета костей разлагающегося трупа.

– Беспорядок, зловоние, которое наполняло каждую комнату в доме. Оно прорастало сквозь любые поверхности, обволакивало мои ноги, проникало в мою комнату.

– Студенты.

– Это не оправдание. И все было гораздо хуже. Из-за нищеты начались открытые столкновения. Все упиралось в деньги. Когда я требовал, чтобы Юэн выплатил мне все долги, он вечно кормил меня завтраками. Я ссужал ему деньги из тех крох, что мне едва удавалось выкроить из моей стипендии. Но никогда не получал их обратно. А вот родители его были при деньгах. Он скрывал это от меня. Я бы так никогда и не узнал об этом, если бы однажды не встретился с ними. Один раз, в конце года. Этот парень, пожиравший мои ничтожные припасы, оказывается, учился в частной школе. В пансионе. Его отец был важной шишкой в военной авиации. Все его рассказы о себе, его обещания – все это было пустым звуком, как и его литературные амбиции.

Бекки передернула плечами.

– Он просто использовал тебя. Я думаю, каждый может однажды встретить такого. Чаще всего в отношениях.

– Знаешь, он так много знал: разные идеи, учения, немного философии. Тогда он казался мне таким *крутым*... какое-то время. Я принимал все это... и тоже был принят. Мне кажется, я стал *им*. Сейчас меня корежит от стыда, когда я вспоминаю, каким был тогда.

– Себ, это было давно...

– Я чаще читал те книги, которые он советовал, нежели те, что мне предписывал мой курс. Я даже отпустил волосы, потому что у Юэна они были длинные. Я начал пить и курить травку. Но в любом случае он не мог понять, каким невыносимым человеком он был, как с ним было трудно окружающим. И я понял почему. Потому что он не мог противостоять своим слабостям.

Эта информация вряд ли могла подготовить достойную почву для того, что он собирался рассказать дальше. Было еще кое-что. Что-то, связанное с Юэном. Что-то неправильное.

– Он держал кое-что в тайне. Но оно часто вырывалось наружу. Это было намного хуже. Нечто, что заставляло других людей избегать его.

– Что это было?

– Он подолгу молча стоял, уставившись в темноту среди грязи и обломков цемента на заднем дворе. Уходил и приходил ночью. Часами всхлипывал в своей комнате. Что-то подолгу невнятно бормотал у дверей моей комнаты, когда я начал встречаться с Джули...

Бог мой, Джули. Помнишь Джули?

Еще Юэн хвастался своими снами. Такими яркими, что он считал их путешествием в другое, *реальное* место, где *другие* помогали ему и были его проводниками по этому миру. Бред обкуренного наркомана, полная чушь, но из уст Юэна она звучала убедительно – и даже правдоподобно. Юэн клялся, что, просыпаясь, видел призрачные фигуры и лица, которые находились прямо над его головой, кто-то, словно медленно выпрямляясь, вставал около его кровати; он слышал голоса, доносящиеся с чердака. И эта жуткая, гнетущая тишина в его комнате, когда Себу казалось, что Юэн умер... *Когда он надеялся, что тот умер и все наконец закончилось...* От этой тишины температура воздуха в доме, казалось, еще больше понижалась. Иногда он пропадал целыми днями.

– Бедняга. Может быть, это действительно было из-за *нее*?

– Джули? – Себу показалось, что он вновь почувствовал запах ее рыжих волос. – Нет. К тому времени как она вошла в мою жизнь, а это было в третьем семестре, мы уже ненавидели друг друга. Я считал дни до конца экзаменов, когда смог бы забрать депозит за комнату и оставить его навсегда. К тому времени его уже вышвырнули из университета.

– А во второй раз? Каким он был? Ты говорил, что он нанес тебе визит, когда ты жил в Лондоне.

– Он выглядел намного хуже. И это не был визит как таковой. Он, должно быть, узнал, где я живу, и проследил меня до дома.

Себ все еще помнил шок, который испытал, когда впервые увидел Юэна в Западном Лондоне. Это было за несколько дней до того, как он явился в его дом в Хаммерсмите, где Себ тогда жил. Он увидел высокую сгорбленную фигуру в старом синем плаще. Юэн что-то бормотал себе под нос и старательно прятал свои глаза от окружающих. Безработный, одинокий, напряженный, он праздно шатался по улицам, пытаясь отыскать единственное место, где он мог получить общение.

Себ не хотел с ним встречаться. Он нырнул в магазинчик подержанной одежды и, переждав какое-то время, отправился на городскую станцию, чтобы поехать домой в Хаммерсмит.

Как Юэну удалось снова отыскать его? Прежде всего, как он узнал, что надо искать именно в Западном Лондоне? Себ так тогда этого и не понял, но события последних дней натолкнули его на самые мрачные размышления.

Юэн клялся, что позвонил матери Себа и та добровольно дала его адрес в Хаммерсмите. Встретившись с матерью на Рождество, Себ упомянул о звонке Юэна, и она ответила, что понятия не имеет, о чем он говорит. Юэн солгал.

Наконец через месяц, который показался Себу вечностью, Юэн съехал. Себ связался с четырьмя университетскими друзьями, с которыми до сих пор поддерживал связь – правда, только по Интернету. Никто из них четырнадцать лет, с момента исключения Юэна из университета, ничего не слышал о нем.

Единственное, что смог понять Себ, – это то, что Юэн узнал о месте его проживания из социальной сети «Воссоединение друзей». Вероятно, он направился в Хаммерсмит и столкнулся с Себом на улице. Или увидел его выходящим из станции метро и пошел за ним.

Юэн всегда любил разгадывать загадки, узнавать то, чего не знал Себ. Таким образом в их студенческие годы он частично поддерживал баланс между ними.

Старина Юэн опустил до того, что умолял Себа дать ему кров, говорил, что готов спать на полу. Он, очевидно, так нуждался, что приходил снова и снова и просил со всей настойчивостью и лезть, на которые был способен. Он заявлял, что ему не требуется никакого комфорта, то и дело повторял, что ему не к кому больше пойти. Растрепанный, уже с утра пьяный, он закрывал лицо руками с растопыренными длинными пальцами и черными от грязи ногтями и всхлипывал как ребенок. Себ ерзал на офисном кресле перед столом, за которым писал свои небольшие пресс-релизы и за которым было написано большинство глав его первых романов.

Стояло жаркое лето, но Юэн был одет в потрепанную куртку, застегнутую на молнию до самого подбородка. Похоже, тогда он носил ту же черную бейсболку, что была на нем теперь. Он так же низко натягивал ее на свою грязную голову.

В то время чистый заработок Себа от книжного магазина составлял немногим больше восьмисот фунтов в месяц, и в течение нескольких лет ему удалось скопить сотню фунтов благодаря разной временной работе. Он снимал небольшую комнату, у него было несколько друзей. Небольшие достижения, но громадные, если сравнивать их с тем, чего достиг Юэн. Даже тогда шокирующе пьяное состояние Юэна заставило Себа испугаться за свое будущее. Он очень хорошо это помнил. Юэн был наглядным примером того, что могло бы случиться с самим Себом, если бы его литературная карьера не состоялась.

Он позволил Юэну переночевать у него на полу одну ночь, которая сначала превратилась в неделю, а потом и в месяц. Его аккуратная комната была превращена в помойку, полную бесплатных газет, пустых коробок из-под сэндвичей и банок из-под алкоголя, грязной посуды и черных волос.

Когда Себ понял, что временное вторжение Юэна в его жизнь постепенно перерастает в постоянное и они становятся зависимы друг от друга, он попросил его немедленно съехать и больше не появляться на пороге его дома. К тому времени две девушки, с которыми он делил квартиру, уже испытывали стойкое отвращение к нежеланному гостю. Даже после его отъезда

отношения Себа с Кэти и Клео так и не стали прежними. Девушки просто больше не могли доверять Себу, зная, что он знаком с таким человеком, как Юэн.

– А чем он занимался до того, как приехал к тебе?

– После того как его выперли из универа? Насколько я понял, его довольно быстро перестали принимать в родительском доме. Он жаловался, что был втянут в какие-то дрязги и семейные склоки. И все в таком роде. Читая между строк всего того, что он мне наплел, думаю, он просто пробесился все эти четырнадцать лет.

Тем не менее подробности частной жизни Юэна в Лондоне заставили Себа помрачнеть. Ему приходилось делать много грязной работы, чтобы остаться писателем. Юэн же жил как писатель, хотя не создал ни строчки.

Себу потребовалось десять лет после окончания университета, чтобы выпустить два первых сборника своих рассказов и дожидаться, когда они на краткий миг будут отмечены малочисленной и быстро исчезающей, как яркий всполох в подземных пещерах, прессой жанра ужасов девяностых. На своем первом съезде писателей в 2003 году он с удивлением узнал, что у него уже по крайней мере сотня читателей. Ему стоило больших трудов зайти так далеко.

Юэн просто *знал*, что работы Себа были плохими.

Но тогда, в Лондоне, перед своим большим прорывом в сорок лет, Себ закончил еще две книги – два романа. С тех пор он написал еще семь и ждал, когда они выйдут на других языках. По двум из них сняли фильмы. Один был реально хорош. У другого были очень высокие сборы.

Работы Юэна так и не вошли ни в один сборник, о котором было бы известно Себу.

– Он все еще называет себя писателем и издевается надо мной! Да что он создал? Несколько коротких рассказов!

Он мог вспомнить всего лишь одну-две оригинальные идеи да парочку-другую интересных образов. Больше ничего. Себ по праву считал Юэна дилетантом.

Себ с самого начала привык все доводить до конца. Он дописывал свои книги до конца – Юэн лишь царапал отрывки. Себ читал – Юэн бросил это нудное занятие и полагал, что все может сказать о содержании книги, взглянув на ее обложку.

Бекки продолжала хмуриться:

– Значит, Юэн был своего рода учителем. Он помог тебе стать тем, *кто ты есть*.

Она махнула рукой в сторону наград, стоящих на полке в гостиной, и на вставленную в рамку афишу фильма – того, что был реально хорош.

Себ откашлялся.

– Он, несомненно, внес кое-какой вклад. Он познакомил меня со многим. Но ведь это не он писал мои книги.

Она пожала плечами.

– Что можно знать в таком возрасте, Себ? Ты был как поздно повзрослевший ребенок. Парень, с которым тебя столкнула жизнь, был вовсе не тем, за кого ты его принимал. Такое часто происходит. Но, полагаю, ты и так крепко задумался над этим.

В ее голосе промелькнула легкая издевка. Он изо всех сил старался отыскать достаточно веские аргументы, чтобы она поняла его, но вот уже восемь дней был не в состоянии думать ни о чем другом.

– Ты будто о разладе с девушкой рассказываешь, а не об университетском приятеле.

– Звучит странно, но в твоих словах что-то есть. Я думаю, оба раза Юэн не мог жить без меня. В нашей зависимости друг от друга не было никакого сексуального подтекста, никакого скрытого желания – ничего подобного. Надо признать, что я просто нуждался в нем как в наркотике. До того как он встретил меня, он долго был одинок, как и потом, в Лондоне. Юэн никак не мог смириться с этим. Ему все еще нужен был кто-то, кто понимал и оправдывал бы все его поступки. Его самокопание никогда не было честным: он никогда не понимал себя сам.

То, что видел он, было совсем не тем, что видели другие. Он никогда не мог освободиться от того, кем хотел быть. И никогда не видел, кем он был на самом деле.

– Может быть, он знал, что правда была слишком горькой, чтобы признать ее. Или по сути своей он был настоящим нарциссом. Психопатом. Не осозанным. А ты был для него прекрасной жертвой. Это может объяснить, почему он выследил тебя. Возможно, это вовсе и не галлюцинации, Себ. Я не могу понять только одного: почему ты продолжаешь его видеть... или думаешь, что видишь его.

– Что-то связывает нас обоих. Никто не может появляться и исчезать *так*. Это не трюк. И это не объясняет того... почему все меняется во время его появления.

Глава 6. Вниз по последней лощине

Чувство, будто находишься среди группы шепчущих людей, движущихся внутри канализационной трубы. Оно само по себе как-то возникло в его памяти.

Себ увидел темную комнату, постель.

Бекки уже сидела на кровати, закрыв лицо руками. Она всегда делала так, когда что-то огорчало ее при просмотре фильма.

– Ты слышишь это? Снаружи? – спросила она.

Ее испуганные глаза усилили его тревогу. Он все еще не мог понять, где он и что происходит. Он тоже что-то слышал. Этот звук он не мог, *не должен был* слышать, находясь в спальне. Он напомнил ему тот шорох, который почудился ему на днях. Как будто огромное животное двигалось вдоль внешней стороны дома.

Бекки ушла спать раньше. Он остался в гостиной и перешел от пива к бурбону. К тому времени как он присоединился к ней, Бекки уже спала. Он пошел в спальню лишь после того, как его мозг окончательно выдохся, а адреналин побежал по венам, как ржавая вода, смешанная с этиловым спиртом, вселяя в него чувство еще большей неуверенности. Он всегда считал, что такое состояние перед отходом ко сну уберет его от ночных кошмаров. Но Бекки слышала это...

Они оба увидели, как подрагивают жалюзи на окне, которое, должно быть, открыла Бекки. Он не заметил этого, когда шел спать, а теперь они были слишком напуганы, чтобы вылезти из кровати и закрыть его. То, что беспокоило их снаружи дома, подбиралось к окну. Прочие объекты в темной комнате стали светлее, как будто комната приближалась к источнику света. Хотя самого источника этого мягкого света не было видно, все более четко проступающие контуры и формы мебели в спальне говорили о его скором появлении.

Себ сел на кровати. Высокая фигура человека стояла у его ног.

Он посмотрел на Бекки. Она безмятежно спала рядом, отвернувшись лицом к стене.

Как?

Он понял, что видел сон о том, как она проснулась. Он испытал шок оттого, как быстро и незаметно перешел от сна к бодрствованию. Но хуже этого была сумеречная фигура, стоявшая в его спальне.

Себ не видел ее лица, но был убежден, что оно принадлежало человеку, которого они обсуждали большую часть вечера. В его комнате был Юэн Александер.

Себ не говорил и не двигался, остолбенев от шока. Чувствовал холод и с замиранием сердца ждал. Внезапно он понял, что Юэн смотрел вовсе не на него: его слабо различимая голова была повернута в сторону. Юэн смотрел на *то самое* окно. Теперь оно было закрыто – жалюзи больше не шевелились.

Откуда-то из глубины подсознания Себа – а может быть, извне, из-за стен дома, – донеслись слабые, еле различимые голоса. Они говорили что-то все вместе, перекрывая друг друга.

Себ вспомнил, как Юэн разговаривал сам с собой. Когда он напивался, то целые потоки какой-то белиберды извергались из его уст. Он говорил на разные голоса, очень быстро и непонятно, и от этого становилось жутко. Себ часто слышал это сквозь тонкую стенку, разделяющую их комнаты. Сейчас, оглядываясь назад, Себ вспоминал, что голоса звучали слишком громко, и казалось, что в комнате, кроме Юэна, находились и другие люди. Себ всегда списывал неожиданную способность Юэна говорить разными голосами на действие наркотиков. Иногда ему представлялось, что он слышит звуковую дорожку мультфильма про всякую нечисть.

Когда зловоние ударило ему в нос, Себ прижал простыню к лицу.

Себ никогда не ощущал такого отвратительного запаха с тех самых пор, как однажды в Лондоне вошел в пустой вагон метро и тут же понял, почему он был пуст. На одной из ска-

меек лежала разбросанная одежда. Удушающая вонь, поднимающаяся от нее, делала воздух в неветилируемом помещении непереносимым. Зловоние уже достигло того специфического уровня, когда запах немытого человеческого тела становится сродни испражнениям. Но в еще больший ужас его приводили мысли о том, *что* же могло заставить человека раздеться на публике и бросить свою одежду.

Теперь он чувствовал себя полностью проснувшимся. Он лежал в кровати рядом с Бекки, которая прижималась носом к его плечу.

Два сна. Один в другом. Проснулся ли я сейчас?

Себ сел.

В комнате никого не было. Ничем не пахло. Или он просто хотел так думать? Принюхавшись, можно было ощутить слабый запах пота. Или, может быть, второй сон показался ему таким ясным именно потому, что его обоняние сыграло с ним злую шутку?

Он вышел из спальни и зажег свет в коридоре, затем в трех пустых спальнях. Он проверил две встроенные ваннные комнаты и гардеробную, тщательно отыскивая следы ног под полками и за чемоданами.

Включил свет на лестнице, ведущей наверх, и прочистил горло, будто покашливанием хотел предупредить незваного гостя о своем появлении. Осмотрел гостиную, столовую и кухню, свой кабинет и небольшую кладовку, где хранились разные бытовые мелочи. Везде было пусто и чисто. Окна закрыты на защелки.

Себ спустился на первый этаж. Здесь была прихожая и дополнительный туалет. Из прихожей дверь вела в гараж, который и занимал все основное пространство. И здесь он не нашел ничего необычного. Все было спокойно, не тронут, без всяких признаков каких-либо других живых существ. В доме были только он и Бекки. Как и вчера, когда он пошел спать.

Еще не было и четырех утра. Он частенько залеживался в постели до часу пополудни, но сегодня ему не хотелось возвращаться в кровать.

Несколько часов спустя, когда солнце было уже высоко, резкая трель телефонного звонка вырвала Себа из объятий сна, сморившего его на диване. Это был его агент – Джайлс Уайт.

– Ты, должно быть, видел их, Себ. Вчера появилась еще сотня. Я и твой издатель сделаем все, чтобы удалить их, скорее всего, к утру понедельника их не будет. Ни о чем не беспокойся.

Голова Себа еще не отошла от сна. Впрочем, как и его голос после всего выпитого вчера.

– О чем ты? – прохрипел он.

– О рецензиях. Боюсь, за этим опять стоит этот зараза Кукольник.

* * *

Отвратительная история, книжонка тянет максимум на бульварный роман: слабо проработанные характеры персонажей, избитые фразы.

Полное дерьмо! Держите это в туалете, чтоб было чем подтереться!!!

Ни в коем случае не брать!!! Не тратьте свое время, даже если вам предложат ее бесплатно или найдете это в корзине для пожертвований.

Читать это – мука. Не могу понять, что страшного все люди находят в этой чепухе. «Автор» (да какой из него, к черту, автор!) не имеет ни малейшего понятия об ужасах и чудесах сверхъестественного.

Полная чушь. Кто ему, интересно, пять звезд дал? Друзья, что ли? Что за вздор!

Вяло... Абсолютно неудовлетворительно... Худшая книга... Никаких звезд... Бесплатные книги лучше, чем эта... Худшая книга из прочитанных... И как умудрились издать подобную хрень... Как я мог так ошибиться! Это читиво скучно до слез!.. Худшее из того, что читал... Задрюченный (хотя, может быть, имелось в виду «закрученный») сюжет... Сдался,

не прочитав и половины, сдал в благотворительность... Одна из самых плохих книг, которые я когда-либо читал... Мусор... Трата времени...

Рецензии скопились на «Гудридзе» и «Амазоне».

Все они были написаны его старым врагом и подписаны разными, уже до боли знакомыми никами: goddess50, hindererfolk, phakerevealer, crookidityidity62, sixthsenser, keirosmaster, parasoma_guru, arosoma+mage, vastjetblacknessboy, praiserofnothingness, extremelyrelaxedsleeper, perceptualmaestro, weightlessness&freedom, nonexistenttravellar, terminationofliars, hazzardouscognition, vitalvehicle, summerlandman.

Себ уже давно *почти* прекратил обращать внимание на плохие рецензии, главным образом потому, что перестал их читать. Он обнаружил, что они ничего не говорили о его книгах и мало чем могли помочь ему. Многие из них представляли собой мешанину чьих-то неоправданных ожиданий. Иным его книги просто не нравились: не соответствовали тонкому вкусу некоторых читателей. И, если говорить о вкусах, они часто не совпадали с мнением куда более авторитетных критиков. Многим комментаторам не хватало внимания, и они пытались заполучить его любой ценой. Быть услышанными и понятыми – тоже великий стимул. Другие же попросту были озлобленными психами.

Взглянув на новый урожай «вонючек», он сразу же вычислил злопыхателя, который на протяжении двух последних лет смешивал его книги с грязью. Он считал, что Кукольник принадлежал к писательским кругам. Он часто подписывался другими именами, но пересыпал свои рецензии всякими умными литературными терминами, как будто был настоящим литературным критиком – или считал себя таковым, – но пытался скрыть свой авторитетный статус, притворяясь простым пользователем.

Его первые рецензии были составлены с большей осторожностью. В них была некая претензия на эрудицию и остроумие. Теперь же автор постоянно повторялся, используя одни и те же гиперболы и обороты речи, не говоря уже о многочисленных восклицательных знаках. Иногда он пытался подражать молодежному жаргону: тогда в его откликах присутствовала «туалетная» тема, которая повторялась снова и снова, что говорило об угасании авторской фантазии и его усталости. Такие отклики были резкими и короткими.

Кукольник свирепствовал уже два года, но у Себа была работа, которую он должен был выполнять, и читатели, которые ждали.

Его агент и издатель жаловались модераторам сайтов, которые Кукольник облюбовал для публикации своих «рецензий», но что могло руководство сайтов поделаться со множеством пользователей, которые приходили и уходили, оставляя повсюду свои следы? Двери ада разверзлись.

– Что ты делаешь?

В дверях стояла Бекки: босиком, в его халате, с растрепанными волосами. Она выглядела бледной и усталой.

– Звонил агент. Мой самый главный фанат вернулся.

– О... – рассеянно проговорила она. – Сколько на этот раз?

– Три персонажа.

– По поводу новой книги?

– В точку! В общем, сбил мой рейтинг до одной звезды.

– Я могу сделать кофе? – спросила она, и у Себа создалось впечатление, что она совсем его не слушала.

– Я сам. И завтрак приготовлю. У меня есть булочки, а еще бекон и яйца.

Она улыбнулась и поинтересовалась, спал ли он.

– Немного.

– Та же фигня.

– Почему? Сексуальная неудовлетворенность и истерия после моего вчерашнего неуклюжего барахтанья?

– Не издевайся, это тут ни при чем. Мне снился такой отвратительный сон!

У Себа пересохло в горле.

– Сон?

Он чуть было не добавил: *и мне*. Его сердце на мгновение замерло от волнения в предчувствии подтверждения всех происходящих с ним странных вещей.

Бекки с отвращением передернула плечами:

– Действительно странный. Я даже и вспоминать не хочу, хотя он казался настолько реальным, что крепко засел в памяти. Но вот что я хочу сказать наверняка – больше никаких морепродуктов!

Себ последовал за ней через гостиную и с неохотой отправился на кухню. Ему не терпелось узнать, что так сильно огорчило ее этой ночью, но он не хотел торопить события. Он чувствовал, что время еще не пришло. Когда кухню обволок аппетитный запах подрумянившихся булочек и яичницы с беконом, они с удовольствием принялись за еду. Себ знал, что, оказываясь вдали от дома, Бекки позволяла себе хорошо поесть.

Еда, душ и целый час безделья в освещенном ярким солнцем доме подняли настроение Бекки – но не Себу. Собственный ночной кошмар и плохие рецензии все еще были свежи в памяти, и его большое воображение тут же приписало ругань его таинственному преследователю. Хотя он ясно осознавал, что связь между двумя этими событиями было довольно сложно доказать: рецензиям в Интернете уже несколько лет, а Юэн объявился в его жизни совсем недавно.

Умывшись и одевшись, Себ рассердился. Он все еще не мог понять, стоило ли ему всерьез беспокоиться. А может, Юэну Александру удалось каким-то чудом, как фокуснику, научиться появляться и исчезать из виду? Но это был его мир, реальный мир, мир комфорта и технологий, созданных наукой. Он любил его и не хотел отпускать. Приезд Бекки придал ему сил, которых так не хватало, пока он был один. Он признался себе, что просто прятался дома от своей проблемы и даже ее приезд использовал поначалу как прикрытие. Теперь у него были силы, чтобы бороться. Он хотел дать отпор тому, что преследовало и пугало его. Для начала нужно было просто как ни в чем не бывало продолжать жить и работать.

– Предлагаю прогуляться через лес до бухты, – сказал он. – И еще успеем на поздний обед на открытой террасе ресторана. Как тебе?

– Обеими руками «за».

План действий был определен, и они решительно выдвинулись в поход.

Но человек предполагает, а Бог располагает.

– Итак, мы оба видели этой ночью дурные сны, – сказал Себ, натягивая куртку в прихожей. – Довольно странно. Не могу списать это на желудочные колики, ведь мы ели разные блюда.

Бекки, спускаясь по ступенькам, состроила странную гримасу и зачем-то полезла в сумочку.

– М-м? – неопределенно промычала она. – Да, действительно странно, потому что я была совершенно точно уверена, что не сплю.

– Серьезно?

– О да. Я была в твоей спальне. Все было ясно видно, как будто за окном светил фонарь и хорошо освещал комнату. И кто-то был за стеной дома. Он, кажется, полз или что-то в этом роде. Это звучало так, словно кто-то тащил что-то вниз по стене или терся о нее. Ты спал, отвернувшись к стене, и, кажется, ничего не слышал. Окно было открыто, а я была слишком испугана, чтобы встать и закрыть его. А потом *что-то* проникло внутрь. И еще я слышала голоса... Тихие голоса. Да, это были тихие старческие голоса. Старики... Целая толпа. Они

прятались где-то в комнате: в темном углу или прямо под кроватью... Это было ужасно! Откуда все это берется? Я раньше никогда не помнила своих снов. Это все из-за тебя и твоего рассказа про то ужасное лицо в окне ресторана!

Себ с трудом заставил себя открыть входную дверь.

* * *

Он припарковался у паба и провел Бекки к турникету на границе фермерского хозяйства «Мэрридж Вуд» – территории, которая, по утверждению ЮНЕСКО, обладала «выдающейся природной красотой». В это время лес был покрыт ковром голубых колокольчиков, и Себ надеялся, что это место очарует Бекки. Он пытался как-то загладить свою вину перед ней за все то, что ей пришлось вынести.

Макушки деревьев раскачивались, будто их яростно трепал шторм, но внизу было до странности тихо. Себ любил это наполненное воздухом место, где деревья живыми арками поднимались ввысь. Мириады зеленых великанов на сотни футов тянулись по склонам холмов. Прогуливаясь по ложбине у подножия холма, там, где деревья карабкались вверх по склону и нависали над тропинкой, Себ всегда оказывался в одиночестве: даже на собачников он обычно наткнулся лишь изредка.

В это утро они прошли вдоль буков и лиственниц до самого моря, и никто не встретился им на пути. Себ вел Бекки по главной тропе мимо разрушенной печи для обжига извести. Когда-то она производила кирпичи для строительства Торки, а также удобрения для всей округи. Он указал ей на следы раскопок, испещрившие землю. Сейчас здесь все заросло плющом, как и бледные плиты, торчащие из земли, которые могли быть руинами какой-то древней постройки.

Концом своего маршрута Себ наметил спрятанную от посторонних глаз бухточку. Вода здесь на глубине приобретала окраску необыкновенной синевы, а на мелководье была настолько прозрачной и чистой, что на фотографиях было невозможно разглядеть ее поверхность. Здесь водились морские котики. Они резвились в бухте или преследовали заядлых рыбаков, называемых здесь поганками, вдоль всей береговой линии до самой гавани в Бриксхеме.

Место, где они вошли под сень деревьев, давно скрылось из глаз, а каменной арки, отделяющей бухту от леса, еще не было видно. Внезапно Бекки остановилась и резко втянула ртом воздух, как будто наступила на осколок стекла. Себ повернулся к ней:

– Что случилось?

Бекки не ответила. Она выглядела испуганной: казалось, она увидела что-то страшное. Она повернула голову и смотрела на склон холма с правой стороны тропинки.

Себ подошел к ней и увидел, что выражение ее лица было таким же, с каким она пересказывала ему свой сон.

– Я подумала... – прошептала она. Затем махнула головой и добавила: – Так, ничего...

Себ проследил за ее взглядом, внимательно осмотрел стволы деревьев, частично заросшие мхом и плющом. Однажды костистые ветви таких деревьев натолкнули его на мысль о гигантских насекомых.

– Что там?

– Я бы могла поклясться... там наверху... рука... Кто-то помахал мне...

В ее словах было мало смысла: она не в силах была собраться с мыслями, чтобы выразить то, что ухватил ее взгляд.

– Иногда деревья похожи на людей, ведь правда? – Она захихикала, стараясь скрыть неловкость. – Я читаю слишком много твоих книг.

Себ не предложил вернуться к машине. Тогда им пришлось бы преодолеть весь пройденный путь еще раз. Вместо этого, так как они уже почти вышли из леса, они пошли вдоль берега по тропинке, ведущей прямо к гавани.

Они уже прошли половину пути до бухты, когда Бекки снова остановилась.

– Там! – Голос ее был тихим, но напряженным и настойчивым. – Я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Что там? – Себ уставился на горный кряж над их головой. – Где?

– Я не могу показать пальцем, – прошептала она, заметно нервничая из-за того, что привлекла к себе слишком много внимания.

– Кто-то там, наверху? Где?

– Наблюдает. Смотрит прямо на нас.

Как будто почувствовав холод, Бекки втянула голову в плечи.

– Ты видишь? Или мне все это только кажется? Боже, что там? Что это у него на лице?

– У кого? Я не вижу...

И тут он увидел. *Нечто*, что он вначале принял за сильно искореженное дерево.

Конечно, люди не могут быть такими высокими. Хотя если это был человек, то, должно быть, он стоял на толстом корне, прижимаясь к причудливо изогнутому стволу, и смотрел на них.

А вдруг он был не один? Было нелегко рассмотреть, кто был там наверху, как и нелегко догадаться, что могло кому бы то ни было понадобиться на вершине горного кряжа. Возможно, это и вправду был человек. Ноги его скрывали густые заросли крапивы, что в изобилии росла между деревьями. Но то, что Себ сумел рассмотреть, вновь заставило его подумать о Юэне.

Бекки дотронулась до его руки.

– Я не знаю... Себ?

Хорошенько сконцентрировавшись, он сумел-таки как следует разглядеть человека: на нем был строгий темный костюм, слишком узкий, из рукавов торчали две непомерно длинные руки. Себ рассмотрел руку – если это и вправду была рука, – настолько бледную, что ее можно было принять за известняк или плесень на стволе дерева. *Кисть* лежала на поваленном дереве, как будто эта длиннющая рука протянулась для того, чтобы схватить его.

Еще одна деталь поразила Себа. Покрытая голова. *Была ли это голова?* Если так, то что-то в позиции этой головы – то, как она была задрана кверху и неподвижна, – насторожило его. Он почувствовал легкое головокружение и приступ тошноты. Страх сжал его горло. Этот жуткий капюшон... Кто бы там ни смотрел на него из-под капюшона, Себу не хотелось встречаться с ним взглядом. Под капюшоном он ощущал два больших темных провала вместо глаз, и заглянуть в них было бы для него мучительным испытанием.

Бекки вновь втянула ротом воздух:

– Бог мой! Оно движется...

Себ вздрогнул, затем вновь посмотрел вверх и увидел движение, которое напомнило ему танцора, умеющего двигать лишь верхней частью туловища, тогда как нижняя остается на прежнем месте.

– Как ты думаешь, кто... – начала было Бекки и осеклась, так как неясная фигура, казалось, начала уменьшаться, как будто скользила или отступала назад, да так быстро, что Себ практически не видел ее движения. Она быстро передвигалась вглубь дорожки, убегала прочь, не производя при этом никакого шума. Но у Себа создалось впечатление, что она вовсе не удалялась, а съеживалась, становилась меньше, пока окончательно не скрылась в подлеске.

– Олень? – пробормотала Бекки. – Иногда они...

Но она так и не закончила мысль. Ни один из них не видел оленя. То, что предстало их глазам, уже исчезло.

Когда они вошли в лес, сильный ветер гулял под кронами деревьев, но не было слышно ни звука, пока они шли по тропинке. Теперь снова слышалось пение птиц и шорох листвы. Это натолкнуло Себа на мысль, что теперь они оба подверглись странному воздействию, гасящему все звуки.

– Птицы, – сказала Бекки, словно подтверждая, что тоже заметила странность произошедшего. Она смотрела на макушки деревьев, которые теперь с шумом качались из стороны в сторону, шурша молодой листвой. Странное онемение природы закончилось.

От страха и напряжения у Себа заболели глаза. Казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Несмотря на то, что *все* уже закончилось, Бекки тоже не выглядела счастливой.

– Мне это совсем не понравилось, – сказала она. – Здесь что-то неправильно...

Себу нечего было добавить. Был ли это Юэн, изменивший свою внешность? Не видел ли он что-то подобное, пронесшееся стремглав мимо по окровавленным опилкам, в том, первом кошмаре? Что бы это ни было, оно не просто наблюдало за ними – оно ждало их появления и наверняка было как-то связано с возвращением в его жизнь Юэна.

Свидетельство Бекки не принесло ему желаемого облегчения. Что бы ни происходило сейчас с ним, оно было хуже, чем потеря разума, потому что, если *она*...

– Теперь ты знаешь... – сказал он.

Они поспешили к бухте. Из всех сил стараясь не пуститься бегом, они приложили все силы, чтобы как можно быстрее добраться до каменистого берега.

Они отдышались, глядя на воду и слушая, как волны тихонько перебирают камни на берегу. Залив растянулся перед их глазами, как шлабум, перекрывающий путь к отступлению.

– Прости, а есть ли какой-то другой путь обратно? – спросила Бекки, стараясь казаться спокойной.

– Вдоль берега. Там наверху есть тропинка.

Теперь Себ ненавидел себя за то, что попросил Бекки приехать. Он подверг ее опасности, совершенно не осознавая, чем все может закончиться. Вероятно, ей могла грозить куда большая опасность, чем эти ночные и дневные видения.

– Там просто кто-то был... гулял... Этой ночью мы оба плохо спали, Бекс. Вчера я наговорил лишнего. И мы явно перебрали с выпивкой. Все это сильно подействовало на нервы. Самые обычные вещи стали казаться зловещими. Например, на днях на балконе... полотенца...

Он не верил ни единому своему слову. Хотя... То, что они видели среди деревьев, вполне могло оказаться человеком в свободном полотняном капюшоне. А за глаза они приняли две вырезанные спереди дыры. Он промелькнул среди деревьев, а они понапридумывали себе все остальное. *Но зачем кому-то понадобилось прорезать дырки для глаз в капюшоне?*

Себ не стал озвучивать эти мысли, как не сказал и того, что капюшон на голове существа очень напоминал мешок, который в былые времена надевали на голову приговоренным к повешению.

– Да. Может быть, – проговорила Бекки с отсутствующим взглядом.

Обратная дорога по новому маршруту вокруг леса прошла без приключений. На отрезке тропинки, параллельной тому месту, где они увидели фигуру на горном хребте, Бекки инстинктивно прижалась к скалистому берегу, стараясь держаться подальше от наклонившихся деревьев. Себ заметил это, так как сделал то же самое.

– Себ, ты отвезешь меня на станцию? – спросила Бекки, когда они подошли к машине.

– А как же обед?

– Я хочу домой. Прямо сейчас.

Глава 7. Время вспять

Юэн стоял на дороге.

Себ выскочил из машины и чуть не упал назад, успев ухватиться за крышу и удержаться на ногах.

Он закрыл глаза, досчитал до трех и вновь открыл их.

Ухмыляющийся Юэн все еще стоял перед ним. Он сделал шаг вперед, и гравий захрустел под подошвами его ботинок. *Он был здесь.*

Это был *он*. Странные эффекты, сопровождавшие его предыдущие появления, отсутствовали. В этот раз все, вероятно, было по-другому.

С первого взгляда Себ решил, что ничего не изменилось: Юэн был пьян, неряшлив и несказанно этим гордился. Пристальнее взглядевшись в своего бывшего соседа, Себ понял, что, по сравнению с тем, каким он видел его последний раз в Лондоне, в его внешности произошли разительные перемены. Чувствовалось, что Юэн побывал в таких местах и делал такое, чего Себ не мог и представить.

Нелепая огромная голова, возможно, была тяжким грузом для этого человека. Несоразмерно большой плоский сзади череп сидел на дряблой шее – такой короткой, будто ее и вовсе не было. С превеликим сожалением Себ сразу узнал и эту приплюснутую верхнюю часть лица с глубоко посаженными глазами под низкими нахмуренными бровями, и короткий нос, напоминающий свиной пяточок. Ушедшие года, впрочем, немало потрудились над этим лицом, оставив паутину шрамов вокруг глаз и на впалых щеках – свидетельства былых разборок и потасовок. Это делало его внешность по-новому чудовищной.

Его лицо буквально кричало об усталости, интоксикации и вероятном поражении печени. Желтоватая кожа – от козырька кепки до усов – была сплошь покрыта пятнами порванных кровеносных сосудов. Его, как обычно, нечесаная, всклокоченная борода пестрела белыми заплатами – следами былых переживаний и драм.

Наибольшее же отвращение у Себа вызвал рот Юэна. Когда он увидел его в Лондоне, кошмарное состояние этих покрытых желтыми и коричневыми табачными пятнами зубов привело его в ужас. Теперь же, увидев его практически на пороге своего дома в Бриксхеме, Себ еще раз пережил то жуткое чувство, которое испытал однажды в зоологическом саду. В тот раз он столкнулся с гениталиями и задним проходом бабуина.

Рот Юэна выглядел дико, гротескно. Вероятно, виной всему была эта отвратительная неряшливая черная борода, на фоне которой его губы выглядели синими и распухшими, обнажая в гнусной ухмылке два ряда редких, практически квадратных зубов, напоминающих засохшие зерна кукурузы. С момента появления Юэна на дороге усмешка так и не сходила с его лица, и этот оскал пугал и приводил Себа в трепет.

Это было самое ужасное лицо из тех, что он видел в своей жизни. Если когда-то на нем и отражались какие-то чувства, хотя бы смущение от дискомфорта, что он причинял окружающим, теперь от этого не осталось и следа. В лице Юэна больше не было ничего цивилизованного, ничего человеческого. Это было лицо настоящего дикаря.

Стараясь сдержать дрожь в голосе, Себ будто со стороны услышал свой хрип:

– Что тебе надо?

– Узнаешь, – ответил Юэн. Его голос всегда был высоким и тихим – полная противоположность его внешности. Он звучал слишком по-женски, слишком интеллигентно. Но и он тоже изменился: хроническая простуда сделала его хриплым, а возраст – более глубоким.

Несмотря на свой страх, Себ едва сдерживался, чтобы не рассмеяться. Ему хотелось дико взвыть от смеха при виде этих сальных волос, свисающих, как старые лохматые веревки, из-под бейсболки, нахлобученной на самую макушку огромной головы.

Тем не менее он был застигнут врасплох. Ему необходимо было собраться с мыслями и постараться избежать открытого конфликта. Он оставил машину и пошел прочь от своего дома.

Юэн, однако, предвидел подобный маневр и, предвкушая удивление Себа, стал шаг за шагом постепенно теснить своего бывшего приятеля к парадной двери его дома.

Если бы Себ описывал подобную ситуацию в одном из своих романов, он обязательно показал бы драку и героическое противостояние главного героя силам зла. Но это был не роман – это была жизнь. Его жизнь. И в этой жизни он вовсе не был борцом. Оказавшись в этой переделке, он понял, как часто люди воображают себя теми, кем на самом деле не являются.

– Себби, дружище, – захихикал Юэн и протянул вперед свою огромную ладонь. Кожа на ней была красной, как мраморная говядина, а ногти, как всегда, черными от грязи. Радужная оболочка его глаз почти сливалась с черными зрачками. От этого его напряженный взгляд казался еще более устрашающим, тем более теперь, когда он находился в такой опасной близости от Себа. На ум стали приходить разные истории о садистских нападениях и прочем кошмаре. – Ты обронил свою шляпу, когда убегал. На конце его длинного пальца висела шляпа, которую Себ потерял в скалистых садах Гудрингтона. – Я вернулся и подобрал ее. Я бы мог повесить ее на забор, но подумал, что вряд ли ты вернешься туда в ближайшее время.

Себ совершенно не представлял, как Юэну удалось так быстро проникнуть в его дом. Им овладели страх и замешательство. Он смутно помнил лишь то, как вытирал ноги на пороге дома, раздумывая, вынимать или не вынимать из кармана куртки ключи. Все это время Юэн был с ним рядом, как будто обволакивая его со всех сторон. Себу казалось, что силы, со свистом, словно воздух из проколотой шины, вытекают из него. Позже он вспоминал, что его действия походили на поведение довольно пожилого человека, которого обдолбанный наркоман захватил в заложники и запер в собственном доме.

Вся прихожая была словно затянута туманом, на фоне которого ярко выделялись темные глаза Юэна. Они злорадно светились, проникая в самую душу.

– Нет. Ни за что. – Себ действительно попытался это сделать, но его сопротивление было тут же сломлено одним взмахом грязной руки. Юэн проскользнул мимо него, и Себ закашлялся от исходящего от него запаха.

Не впустить Юэна сейчас – только отсрочить неизбежное. Так или иначе он все равно проникнет в дом. *Разве он еще этого не сделал?*

Ему нужно было знать, зачем Юэн здесь. Причина его вторжения в жизнь Себа все еще оставалась тайной, но Юэну наверняка что-то было нужно. Себ искренне надеялся, что деньги. Только деньги.

После ужасного столкновения на шоссе тишина его дома, его чистота, белые стены, прямые углы и открытые пространства вызвали в нем ощущение хрупкости. Он окинул все это взглядом, как будто смотрел на здание, предназначенное для сноса, или на дом, расположившийся на утесе, пораженном эрозией. Все, что питало и защищало его, все, что было результатом его многолетних трудов, было под угрозой уничтожения.

Юэн нагло ворвался в тишину этого дома. Остановился на мгновение на лестничном пролете и огляделся. Его обветренное лицо выглядело нелепо и вызывающе на фоне окружающей роскоши. Само его присутствие здесь было неуместным.

Взгляд его упал на эскизы обложек книг, вставленные в рамки, и рекламный плакат «Призрака». Тело Юэна напряглось: казалось, он вот-вот сорвет постер со стены, швырнет на пол, разорвет на мелкие кусочки. Однако вместо этого он пренебрежительно хмыкнул и все с тем же заносчивым видом поднялся наверх. Таким же он был и двадцать лет назад, в их студенческие годы. Вероятно, он все еще верил, что обладал той энергией, которая позволяла ему доминировать.

За ним шлейфом тянулись осязаемые, словно грязный туман, пары алкоголя, смешанные со всеми прочими ароматами его тела.

Юэн двигался прямо на третий этаж, легкой, но чуть пошатывающейся походкой. Он заглянул в кабинет и кухню, но задержался лишь на секунду, как будто был ошеломлен, увидев вид на залив из окон гостиной.

– Чего ты хочешь, Юэн? – повторил Себ, пораженный мыслью, что следует за диким и опасным зверем в глубь своего дома. – Ты следил за мной.

Внимание Юэна привлекли награды за писательские труды Себа за последнее десятилетие, блеск и сияние стекла и металла. Его глаза сузились, выражая самую крайнюю степень неудовольствия. Под полкой с наградами пестрели разноцветными обложками первые издания произведений Себа, а также их переводы на иностранные языки, собранные из более чем тридцати стран.

– Да, очень мило. – Юэн кивнул, как будто доказывая что-то самому себе. – Очень, очень мило, действительно.

Дом вызвал у Юэна чувство обиды. Вероятно, он ожидал, что Себ поставил свою жизнь на паузу или окончательно загубил ее за прошедшие три десятилетия, как сделал он сам. Но почему он появился именно сейчас, почему не десять лет назад, когда писательская карьера Себа круто шла вверх?

Юэн шлепнулся на диван, как неуклюжий подросток. Раздался громкий хруст: то ли сломалось что-то внутри дивана, то ли хрустнули половицы под ковриком.

Себ дернулся, словно заклятие, которое заставляло его подчиняться, было снято.

– Осторожнее! Христа ради!

– Ой, – Юэн снова захихикал.

Злость захлестнула Себа, словно горячая желчь. *Теперь слишком поздно. Он проник внутрь. Он уже внутри.*

Но при виде этих долговязых конечностей, по-хозяйски небрежно раскинувшихся на его диване, ярость сменилась страхом. Некогда синие, джинсы Юэна давно почернели от грязи. Носы стоптанных ботинок треснули, подошва практически сточилась из-за долгих бессмысленных шатаний хозяина.

Куртка лоснилась от пятен, в нескольких местах она была порвана, первоначальный цвет ее уже невозможно было угадать. Судя по всему, Юэн не собирался снимать верхнюю одежду, и Себ был ему за это благодарен. Возможно, это предполагало краткость его визита.

– Зачем ты здесь?

– Спешишь. Не нужно. Всему свое время. Неужели не предложишь мне выпить?

В словах Юэна многое было непонятно. Это означало, что он не собирался говорить больше, чем успел сказать с момента своего появления.

– Давай. Выпей со старым другом. Сто лет ведь не виделись. Только посмотри на себя – автор бестселлеров! Чувствую, здесь пахнет одним из этих воскресных журнальчиков.

Он вновь оглядел комнату, покачивая головой, как бы в раздраженном отчаянии, подтверждающем его наихудшие опасения. Себ ничего не понимал. Но он знал, что Юэн хитер. Сводящая с ума, жгучая ревность сжигала его. Эти симптомы были ему хорошо знакомы, и не только из-за Джули.

– Одна порция. Объяснение. Затем ты должен уйти.

Выражение лица Юэна изменилось: он поджал губы в жалкой попытке изобразить обиду.

– Я отрываю литературного гения от работы? Мы с тобой столько не виделись, а ты хочешь от меня поскорее избавиться?

– Я же не просил тебя приходить сюда. Или... *ты знаешь.*

Юэн осклабился, и Себ догадался, что он собирается сделать нечто из ряда вон выходящее, то, чего Себ не мог понять. Однако Юэн не торопился говорить ни о своих намерениях, ни о чем-либо другом, что могло стать подсказкой. В своих играх он использовал разные уловки: настойчивость и манипулирование, скрытую угрозу и запугивание. Возможно, то, что он делал

сейчас, должно было стать прецедентом их грядущих взаимоотношений. Его ухмылка, наглое требование выпивки и то, как он беззаботно развалился на диване, – все говорило о его намерении вновь выйти на сцену.

Чтобы не видеть черных глаз Юэна, а заодно собраться с мыслями и обдумать свой следующий шаг, Себ отправился на кухню за выпивкой. Выбрал две бутылки некрепкого пива. Он не знал, что еще сделать. Возня с дверцами кухонного шкафа и стаканами немного отвлекла его от того панического состояния, в котором он пребывал, хотя его по-прежнему была дрожь. Он никогда ни с кем не конфликтовал. Если, конечно же, не брать в расчет Интернет.

Он подумал о полиции и попытался нащупать свой телефон в переднем кармане джинсов, но вспомнил, что оставил его в куртке. Да и что он мог сказать?

Себ даже собрался было взять нож из ящика, но эта идея привела его в еще больший ужас, чем та ситуация, в которой он сейчас оказался.

Он ненавидел себя за это, но решил сохранять спокойствие, оставаться сдержанным и не поддаваться эмоциям. Юэн ведь как раз и рассчитывал на то, что Себ оставался прежним.

Он вернулся в гостиную без оружия, но с двумя бокалами пива.

Юэн просматривал первые издания и грубо листал их своими грязными пальцами. Одну книгу он поставил не на свое место, вторая неаккуратно торчала из ряда, а третья просто валялась открытой на столе. Царящий беспорядок ошеломил Себа. Это было еще одно напоминание о прошлом и, возможно, предчувствие будущего, если ему не удастся быстро избавиться от Юэна.

– А вот и угощеньице, – сказал Юэн и взял протянутый стакан. – Кажется, ты не очень-то рад меня видеть?

У Себа зачесались кулаки: он почувствовал острое желание выплеснуть всю свою злость и хорошенько врезать по этой потной физиономии. Дрожь прошла по его рукам, однако тот, кто сидел где-то внутри него, тот, кого всю жизнь задирали другие, был скован по рукам и ногам требованиями хорошего тона. Его желание было импульсивным, и ему никогда не суждено было исполниться.

– А ты удивлен?

Его страх перед ночными кошмарами и появлениями Юэна оставался заперт где-то внутри него, как незаземленное электричество. Он осознавал, что готов пойти на все, лишь бы *это* поскорее закончилось. Кроме того, он понимал, что было бы глупо поддаться на провокацию: ответ не заставил бы себя ждать и мог быть гораздо сильнее, чем он мог себе представить.

– Наши дороги разминулись. Это ясно как божий день. – Себ надеялся, что последние слова прозвучат нейтрально, но, как бы он ни старался, в его голосе послышался сарказм.

– Сначала ты сбегашь, а теперь вот весь напряжен. Расслабься, Себастьян. Или ты не хочешь узнать, зачем я здесь?

– Я сыт тобой по горло.

– Что ты! Ты откусил лишь маленький кусочек. – Юэн подмигнул ему. – Ты и понятия не имеешь о том, что я сделал. Чего я достиг. А судя по тому, что я видел в твоих книгах, ты давно сбился с курса и сейчас очень далек от всего, что тебя когда-то занимало.

– Это от чего же?

Юэн захихикал и затряс головой, как будто Себ сморозил какую-то глупость.

– Я не понимаю тебя, Юэн. «Далек от всего, что меня занимало». Чего же мне не хватает? Словно в порыве величайшего волнения, Юэн вытаращил глаза.

– Истинной мистики! И просветления.

Целая флотилия капель слюны мелькнула в свете солнца и упала где-то между ними.

– Мои амбиции никогда не были столь грандиозны. Я просто хотел быть хорошим писателем...

– Да, хорошим... – Юэн поднял брови. – Не обращай внимания. По крайней мере, для халтурщика ты все сделал правильно, если не говорить о полном отсутствии вкуса...

Он с тайным злорадством наблюдал за реакцией Себа. Удовлетворившись тем, что ему удалось разбередить еще одну его рану, он сменил тему и продолжил вершить суд.

– И сколько же мы с тобой не виделись? – рассеянно спросил он, озадаченно насупив брови. Он изо всех сил хотел показать, что ему это неизвестно.

– Лет десять по крайней мере, – сказал Себ, хотя точно знал, что, с тех пор, как он выкинул этого вонючку из своего жилища, прошло двенадцать лет.

– Давно... – Юэн собирался вновь с грохотом плюхнуться на диван, но, перехватив взгляд Себа, опустил на него с преувеличенной осторожностью, как на чрезвычайно дорогую и хрупкую мебель. – Слишком давно! Вот я и подумал, что пора бы навестить тебя. Должен признать: все чудесно. Тебе повезло.

Юэн принялся жадно пить из своего бокала, словно бы его мучила жажда. Вероятно, он хотел показать Себу, что в данный момент ему совершенно наплевать на ответ собеседника, гораздо важнее побыстрее вылакать свое пиво. Закончив, он преувеличенно удовлетворенно рыгнул. С его черной бороды свисали белые клоки пены.

Себ подошел к балконным дверям.

– Повезло? О да, мне *жутко* повезло, Юэн. Ты мог бы сказать, что я превысил свои собственные ожидания, что я вышел за рамки. Но еще я очень много работал. Все эти разговоры об ответственности и самоотверженности писателей на самом деле не пустой звук.

Себ вышел на балкон и с удовольствием вдохнул глоток соленого воздуха. Вечерело, солнце клонилось к закату. На улице заметно похолодало, но его мучило от вида и запаха Юэна.

– Бр-р-р, – громко сказал Юэн, заглушив конец речи Себа и всем своим видом демонстрируя, что не намерен и дальше выслушивать жалкие оправдания хозяина этого дома. Так было всегда. Если он чувствовал, что спор оборачивался не в его пользу, он тут же начал производить какие-то непонятные звуки или отвлекающие внимание телодвижения, особенно когда напивался. У него никогда не хватало терпения выслушать других, он предпочитал подавлять всех своей неумной энергией. Себ очень сомневался, что его тактика ведения споров сильно изменилась: он лишь нападал, не давая сопернику ни малейшей возможности контратаковать.

Юэн всегда считал себя самым умным, не отдавая себе отчета в том, каким беспардонным хамом он был на самом деле. Всё новые и новые воспоминания наваливались на Себа, и главным образом на ум приходило все то, о чем он с радостью бы позабыл.

Себ осторожно уселся в одно из своих любимых кресел, что стояло ближе всех к балконной двери.

– Итак, что ты здесь забыл, Юэн? Я уже устал задавать тебе этот вопрос. В чем дело?

Вопрос заставил Юэна поморщиться.

– У тебя нет ни единой мысли на этот счет? Действительно, нет? Ну, хоть что-нибудь. Никакой идеи? Неудивительно, у тебя никогда их и не было. Ты всегда был таким. Никогда не видел всю картину целиком. Ты всегда был, осмелюсь сказать, безыдейный. – Он поджал губы и демонстративно отпил из бокала.

Себу захотелось запустить в него пультом от телевизора – прямо в его мерзкую рожу, изо всей силы. Но вместо этого он вспомнил далекую черную фигуру, стоящую в море, и чуть было не вздрогнул. Он должен был узнать, как Юэн это проделал. *Так что пусть говорит.* Чем бы он сейчас ни поделился, выводы сделать Себ всегда успеет.

– Я пытался прочесть пару твоих книг, – сказал Юэн, морща нос, будто его беспокоил какой-то запах, куда хуже вони его собственной одежды. – О боже! О боже мой! Но видно, что ты вложил в них немало труда.

– Юэн. Чего ты хочешь?

– А людям действительно нравится та история про больницу? Должен сказать, я нашел ее довольно глупой. Боюсь, что ни одной твоей книги из тех, что мне удалось отыскать в библиотеке, я так и не дочитал. Я пытался. Но ты сделал все, что мог. – Он вновь оглядел комнату с таким выражением лица, будто хотел расколошматить здесь все. – В наши дни люди вообще покупают что ни попадя. Весь этот маркетинг, ребрендинг... Ну, ты знаешь.

Он сердито, но понимающе покачал головой.

Себ проглотил обиду. Это был способ существования Юэна: унижение других придавало ему сил.

– Так ты за этим здесь? Чтобы поддержать меня?

«Вот оно, будущее ужасников: человек, ни разу не принимавший душ за эти чертовы десять лет», – улыбнулся Себ про себя. В эту игру могли играть двое.

– Помнится, когда-то, очень давно, я видел и твое имя на полках в WHSmith²¹. Не лучше ли было для начала самому попытаться закончить книгу?

– Ты думаешь, я завидую всему этому? – Юэн отпрянул. – Вряд ли. Мне было бы стыдно, если бы я накалякал все это, – он указал на книжные полки. – Макулатура, не так ли? Разве это ты хотел писать? Что дала тебе вся эта писанина? Деньги? Где-то по дороге, Себ, ты сел не в ту лодку. Но я пришел сюда вовсе не для того, чтобы говорить с тобой о твоих книгах. – Он издевательски выделил последнее слово, словно самой интонацией хотел принизить значение его работ. – Я пришел сюда не расхваливать тебя. Уверен, для этого у тебя достаточно прихлебатель. Хотя они и понятия не имеют о писательском ремесле, не так ли? Как и о многом другом.

– О чем, например? Мы наконец-то добрались до самого главного, я заинтригован.

Юэн прервал его, выбросив вперед руку с демонстративно поднятым пальцем.

– Не думаешь ли ты, что нечто настолько особенное может быть личным, даже сокровенным? Священным? Но всему свое время. – Он вытянул вперед руку. – Мой бокал пуст.

– Бар закрыт.

– Так открой. Какой во всем этом смысл, если ты не можешь хорошенько расслабиться и выпить со старым другом.

– Тебя вряд ли можно считать таковым. Разве друзья издеваются друг над другом?

– Издеваются! – Это чрезвычайно развеселило Юэна. Он с восторгом хлопнул себя по коленке. – Ты ничего не видел!

Одним взглядом он пригвоздил Себа к месту. Его глаза заплыли от постоянного пьянства, но пылали каким-то неестественным фанатичным огнем.

– Но сейчас, я думаю, ты просыпаешься и начинаешь видеть картинку целиком. И, следует сказать, вовремя. Ты вовремя стал ближе к действительности. Если ты был достаточно обеспокоен, чтобы сбежать на пляж, то будешь, скажем, сильно удивлен, узнав, что я еще могу делать. Может, когда-нибудь я покажу тебе. Но будь я на твоём месте, я бы не стал торопиться увидеть это. Это тебе не цирковое шоу. Лишь крошечная горстка людей в этом мире когда-либо достигала тех чудес, каких достиг я.

Себ изо всех сил старался не реагировать на угрозу и оставаться спокойным.

– Какую картинку я не вижу? Я не понимаю тебя.

– О, давай без кокетства... Кое-кто проводил время с гораздо большей пользой вместо того, чтобы писать глупые истории о... о... – вероятно, алкоголь действовал на его память. – О привиденьях и всяком таком. Но ты не понимаешь, что на самом деле находится там, или здесь, или совсем рядом с тобой, понимаешь? Конечно, нет. Ты блуждаешь в темноте, как и все. Ты даже не знаешь, что это такое – то, о чем ты пытаешься писать. Это всё фантазии. Вот я и подумал: а не показать ли тебе что-то настоящее, что-то особенное, нечто, для чего требуется

²¹ WHSmith – британская сеть книжных магазинов, наряду с книгами торгующая канцелярскими товарами, газетами и журналами, а также игрушками и кондитерскими изделиями.

гораздо больше умения, нежели сидеть здесь и высасывать из пальца какую-нибудь нелепую историю. Ха! Ты удостоился привилегии увидеть то, что ты видел, но ты даже не осознаешь этого. Ты не знаешь, что с этим делать. Как я и думал. Боже, боже мой. Ты действительно сел не в ту лодку. Но сейчас я наконец здесь, чтобы помочь тебе.

Себ не был уверен, задохнется он от своего страха или от отвращения, но он чувствовал себя как человек, которому кто-то в насмешку тычет в лицо револьвером.

– В чем помочь? Я в полном порядке.

Юэн посмотрел на свой стакан.

– Обо всем этом мы поговорим позже. А сегодня я только хотел сказать «привет» и выпить со старым приятелем. Обновить наше знакомство до того, как начнется веселье.

– Веселье?

– О да. Тебе многому предстоит научиться.

– Чему?

Юэн усмехнулся.

– Тому, что действительно происходит. Куда все идет. – Он снова обвел взглядом комнату. – Я думаю, ты исписался. Когда-то, еще в универе, я дал тебе шанс понять, как все устроено. Тогда ты был более покладистым учеником, но сейчас упустил все.

– Ученик? Шанс? Что ты несешь?

– Не отрицай этого. – Юэн продолжал разглядывать книжные полки. – Ты не написал бы ни одной из этих книг, если бы я не помог тебе.

– Я не думаю, что...

– Ты не читал ничего путного, пока мы не встретились. Ты ничего не знал. Подумай об этом. Конечно, ты мог бы сказать, – он вновь обвел рукой все вокруг, – что добился всего этого благодаря мне. Моему влиянию. Но ты никогда не признавал этого.

Чтобы сделать такое заявление, Юэн должен был проверять, кому Себ посвящал свои книги и кого благодарил в каждой из них. Должен был следить за всеми интервью: в них Себа всегда спрашивали, кто или что повлияло на его решение стать писателем. Это заставило Себа по-новому взглянуть на издевательские рецензии. Он подумал: может, и вправду за этим всем стоял Юэн. И это именно он вот уже два года издевался над ним в Интернете.

– Ты действительно веришь в это, Юэн?

– Верю? Это факт. Пока ты не встретил меня, ты и понятия не имел о Мэкене, Уэйкфилде, Эйкмане или Блэквуде – ни о ком из тех, кто действительно *верил*. Я одалживал тебе свои книги. И, судя по тому, что ты написал, ты читал их не очень-то внимательно.

Себ уже едва сдерживал свой гнев. Костяшки его пальцев побелели, а тело натянулось словно готовая лопнуть струна. Он встал.

– Я в этом не участвую. Я не собираюсь обсуждать с тобой свои книги, как и что-либо другое. Но могу понять, почему ты огорчен. Жизнь твоя не задалась, Юэн, хотя это не имеет ко мне никакого отношения. Но я действительно не удивлен, что ты зол. Ничего не изменилось. Все тот же обиженный жизнью и всеми окружающими Юэн. Но ты выбрал свой путь, а я выбрал свой. Каждый спит в своей постели. А теперь тебе пора уходить.

– Я только что пришел и еще не готов уйти. – Он подмигнул и улыбнулся своей желтозубой улыбкой. – Тебе, должно быть, не нравится, как все это происходит, не так ли?

– Нет, по правде говоря, я...

Юэн перебил его, повысив голос:

– Оно того стоит? Совсем не рок-н-ролл, не так ли? Всякие безделушки, игрушки и прочие пустяки. Помнится, ты рассказывал мне, как собираешься пересечь всю Америку на автомобиле. Жить в лесах Норвегии... Или это был какой-то из греческих островов? Ты что-нибудь из этого сделал?

– Нет, но я...

– Ха! Я так и думал. Ты один из тех надутых, претенциозных домоседов, которые кропают макулатуру. Ты ничего не сделал! Да ты даже не жил толком! И не видел жизни. Чертов мошенник.

Слюна брызгала у него изо рта, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Он смотрел куда-то мимо Себа. Он пытался этого не показывать, но Себ подозревал, что был единственным зрителем давно отрепетированного спектакля. Юэн годами ждал, когда сможет сказать все это.

Себ больше не мог сдерживать свою злость.

– Я скажу тебе, что я делал, Юэн. Я читал. Я читал книги, очень много книг. Я учился у них и у их авторов. Лучших авторов. Я сидел за столом и писал. Я освоил основы мастерства. И пока я годами писал, не имея признания, я оплачивал свои счета. Я выполнял скучную, разрушающую душу работу, но я прочно стоял на ногах. Я сам обеспечивал себя. У меня не было другого выбора. У меня не было богатых родителей.

У меня были перерывы. Тогда мне, конечно, помогали мои друзья: агенты, издатели, даже критики, но я пережил трудные времена. Я сам проложил свой путь. Только я мог сделать это. Один. Я не видел всей картины, как ты выражаешься, но, по крайней мере, я был последователен в достижении своей цели и работал.

Юэн попытался перебить:

– Только послушайте!..

– И я признаю свои недостатки, Юэн. Свои провалы. Я преодолевал их, обращал их в свои победы. Я изыскивал все возможности, выжимал себя досуха, чтобы найти то, что я мог сказать читателю, внести свой вклад в литературу. Год за годом. Половина моей жизни была посвящена работе над книгами, включая десятилетие полной безвестности. И меня наконец заметили. Благодаря моей настойчивости.

– Заметил кто? Несколько лондонских уродов со своими зваными вечерами, фестивалями, запусками новинок. Видал я таких. Тусовался в этой среде. Ни одной мысли. Ни одной идеи. Они даже не смешны. Ни один из них не умеет веселиться.

– Веселье? И это твоя цель? Вечеринка закончилась, Юэн. Она закончилась в 1990 году. Для всех. Кроме тебя. Твой собственный подход к жизни тоже не кажется мне смешным. Я имею в виду то, как ты выглядишь. Боже милосердный! Юэн, ты когда последний раз смотрел в зеркало?

Юэн опустил голову и оглядел свое тело.

– А что не так? – с неподдельным удивлением спросил он.

– Что сотворил *ты*? Где *твои* работы? Сколько тебе? Почти шестьдесят? К такому концу игры ты стремился?

– О, я работал. Я писал! Но не это нелепое дерьмо, которое продают в дешевых супермаркетах, чтиво для домохозяек. Не волнуйся обо мне.

– Я не волнуюсь. Мне наплевать.

– Думаю, ты будешь удивлен, узнав, что я замыслил. Что я сотворил. И сейчас мы говорим о серьезных вещах. Кое о чем, что будет иметь значение, когда появится. О да!

Себ больше не думал о фокусе с исчезновением, или об одиноком страже, наблюдавшем за ним издали, или о фигуре на дереве в «Мэрридж Вуд». Юэн набросился на самое главное, что у него было: на его писательский труд.

– Будет иметь значение для кого? Для тебя? И что появится? И когда? И откуда ты знаешь, что твои работы хороши? Кто их исследовал? Может быть, стоило получить обоснованную оценку? Ну конечно нет! Ведь ты знаешь, что твои работы выше всяких похвал. Все тот же старина Юэн. Обозленный и ленивый. Ты вообще слышишь, что за бред ты несешь? Еще один коронованный прыщ с родительскими деньгами. Да и они, судя по твоему виду, утекли у тебя сквозь пальцы. Или тебя лишили наследства? Неужели до твоих предков наконец-то дошло, что они тратили свои денежки впустую? Так-то ты отблагодарил их? Твое великолепие

не простирается и на миллиметр дальше собственного грязного носа – и никогда не простиралось. Ты называешь меня бездейным. *Меня!* Ты сказал, что я упустил свой корабль, сел не в ту лодку. Но я склонен верить, что, когда твой корабль покидал порт, ты крепко спал на скамейке в парке. Направшись до беспамятства.

Юэн усмехнулся и понизил голос, что возвещало о грядущей опасности.

– Послушай себя! Ты воображаешь, что ты – этаким литературный франт. Джентльмен. Претенциозный. Манерный. Хлыщ, избалованный вниманием Хей-он-Уай²². Думаешь, ты кто? М. Р. черт поberi Джеймс?

Собственная острота привела его в восторг. Он даже захрюкал от смеха.

– И этот авторский голос. Этот ужасный голос во всех твоих книгах. Какая жуткая подделка! Ведь это не ты. Бога ради, Себ, ты – рабочая лошадка. Пролетарий, пытающийся писать как джентльмен.

– Ты понятия не имеешь о...

Юэн, покачиваясь, поднялся с места, размахивая своими грязными лапами: его красные ладони замелькали в воздухе. Остатки пива выплеснулись из его стакана, и пена, взметнувшись пушистой аркой, осела на столе, на спинке дивана, на стене.

– Ты – посмешище! Бездейный!

Себ сжал кулаки.

– Ах ты сукин сын! Моя мебель!

– Ой! – Разлетевшиеся хлопья пены показались Юэну смешными, но он выглядел немного смущенно. Очевидно, он понимал, что зашел слишком далеко и может потерять контроль над ситуацией.

От злости у Себа потемнело в глазах. Его трясло, но он сделал шаг вперед. Юэн отступил.

– Я трудился годами!

– На ощупь. Это надо признать.

– Ты учился в частной школе. От рождения ты обладал привилегиями. Ты думаешь, я забыл? Тебе не приходилось себя обеспечивать. Ты никогда не работал, правда? У тебя даже подработок никогда не было. Что ты скажешь в свое оправдание? Тебе нечего сказать. У тебя есть что предъявить? Нет. Ты недисциплинированный, безответственный подросток-переросток. И ты пришел сюда, в мой дом, чтобы критиковать и терроризировать меня? Это я, по-твоему, мошенник? Ты пытался мне угрожать этим... чем ты там занимаешься. Послушай, неужели ты настолько отравлен завистью?

Поначалу, слушая обличительную речь Себа, Юэн выглядел несколько шокированным и даже слегка деморализованным, но постепенно наглая ухмылка вновь вернулась на его лицо, и глаза его потемнели.

– Вот *оно*. Так-то лучше. Ты не пытаешься больше выглядеть как чертов Уолтер Де Ла Мар²³. Теперь ты более настоящий. И это уже прогресс.

– Проваливай на хрен!

– Еще лучше. Но ты так и не добрался до сути. Ты все еще не понимаешь, что я здесь, чтобы помочь тебе. Сделать тебе одолжение. Поделиться с тобой кое-чем, что будет... что для начала поможет тебе писать лучше.

Себ вернулся на свое место. Его трясло. Нестабильность оказалась заразной: он давно не подвергался таким острым вспышкам гнева, а эта была настолько сильной, что он даже не способен был ясно мыслить.

– Я звоню в полицию.

²² *Хей-он-Уай* (Hay-on-Wye) – небольшой город в Южном Уэльсе, известный своими книжными и букинистическими магазинами. Место проведения множества книжных ярмарок и фестивалей.

²³ *Уолтер Джонс Де Ла Мар* (1873–1956) – английский поэт, писатель и романист, наиболее известный работами в жанрах мистической фантастики и детской литературы.

– Ха! И что ты им скажешь? Что я вломился к тебе? Но ведь ты сам впустил меня. Я просто старый друг, который проделал большой путь, чтобы встретиться с тобой.

– Который преследовал меня, следил за мной, издевался надо мной. Достаточно только взглянуть на тебя, чтобы понять, в чью пользу будет счет.

– Звони! – Юэн снова чувствовал себя на коне, как будто ему удалось заставить Себа перейти к хорошо продуманному и отрепетированному сценарию, да еще раньше времени. – Пусть они приедут и уведут меня к чертовой матери. Давай! Сделай это. Чего ты ждешь?

Юэн захлопал глазами, стараясь сфокусироваться. Возможно, это был какой-то эффект от того, что он выпил или принял, прежде чем прийти к Себу.

– Ты не вызовешь полицаев, потому что это не выход. Я могу вернуться в любое время, и ты это знаешь. Я полагаю, тебе бы хотелось время от времени видеть хорошие сны? А просто выходить из дома за покупками или на свидания с той куколкой, не боясь, что я неожиданно появлюсь там, или здесь, или повсюду?

Он поднял свои длинные руки и, как паук, зашевелил длинными тонкими пальцами.

– В любое время дня и ночи я могу запросто заскочить к тебе. Если захочу. Что помешает мне уйти прямо сейчас и вернуться через несколько часов, когда ты уже будешь спать? Как оно тебе? Мы снова будем вместе. Тебе даже не придется вставать с постели, чтобы открыть мне дверь. Я сам впущу себя, и мы возобновим нашу прерванную беседу, пока ты будешь спать или бодрствовать. Мне действительно все равно. Что ты на это скажешь?

Себ почувствовал, что его злость пошла на убыль.

– Кстати, где, черт возьми, мое пиво? У меня пересохло в горле! – Юэн махнул в сторону кухни так, словно Себ был его слугой. – А ну, шевелись! Тащи сюда!

* * *

Из соседней комнаты доносился приглушенный храп.

К девяти Юэн прикончил пятую бутылку пива, которая оказалась в холодильнике последней. После очередного монолога, содержащего невнятные повторяющиеся упреки, Юэн наконец уснул, растянувшись на диване. В складках засаленной одежды его расслабленные конечности выглядели неимоверно худыми по сравнению с наметившимся пивным пузом и дряблой шеей.

Он дважды просыпался, беспокойно оглядываясь по сторонам. Выражение его лица в эти моменты было печальным и озадаченным, как будто он не сразу мог понять, где находится. Он был не просто пьян, а измотан.

Не желая закрывать жалюзи, чтобы не показать, что он смирился и принял Юэна в качестве ночного гостя, Себ открыл окно и вышел из комнаты. После этого он еще час сидел на кухне, поставив локти на гранитную столешницу и подперев ладонями лицо, голодный, но полный отвращения к еде. Он осознал, что все еще знает о намерениях Юэна так же мало, как знал до его прихода.

Момент, когда он мог растолкать Юэна и выпроводить его вон, был упущен. Сейчас, даже если бы ему удалось разбудить его и вытащить из дома, он доставил бы ему массу неудобств на подъездной дорожке, спяну выкрикивая всякие гадости и пугая его пожилых соседей. А если бы он действительно ушел, то только для того, чтобы вернуться вновь, и кто знает, каким могло бы стать это его новое появление.

Надо будет вытолкать его за дверь утром, пока он будет трезвым, но перед этим все-таки попытаться заставить его прояснить ситуацию.

Только после одиннадцати Себ ушел из кухни и спустился в свою спальню. Разум его был в смятении, беспокойство сдавливало грудь.

Он раздевался, вспоминая, что только прошлой ночью спал в этой постели с привлекательной женщиной в своем милом современном доме. В месте, где его окружали и поддерживали доказательства его достижений. Внезапные перемены в его жизни казались абсурдными, оторванными от реальности. Но именно так всегда и действовал Юэн. Так было в студенческие годы в их доме, потом в лондонской квартире Себа: он всеми доступными ему способами захватывал окружающее его пространство.

Только не здесь. Только не в этот раз.

Это было нелепо. В девятнадцать лет, когда Себ толком ничего не знал о жизни, его угораздило подружиться с опасным неудачником. Почему сейчас, в пятьдесят, он все еще должен расплачиваться за свою ошибку? Ему что, платить за нее, пока один из них не умрет?

И пока Себ засыпал, он слушал храп, проникающий сквозь потолок в его спальню.

Глава 8. Я могу видеть в отсутствие света

Когда сон наконец пришел, пугающий и отвратительный, он оказался одним из тех, местом действия которых был его же собственный дом. Но сейчас помещение было намного больше, так как в нем теперь вместе с Себом и Юэном находились и те, *другие*. Навсегда.

Себ превратился в голое, белеющее в темноте, как опарыш в комке глины, скелетообразное, безволосое существо без половых органов. Они были вырезаны на скорую руку, а рана защита коричневой бечевкой, что хранилась на кухне под раковиной.

Измотанный долгими переходами по бесконечным коридорам, он изо всех сил пытался разглядеть хоть что-нибудь сквозь окружающий его туман. Тусклый свет цвета ртути ничего не освещал.

Скрючившись за спиной Юэна, Себ чувствовал себя в относительной безопасности. Юэн что-то громко декламировал. Он был гигантского роста, а его всклокоченные волосы прилипли к черепу и шее.

Одетый в одну лишь набедренную повязку, Юэн, словно бородатый пророк с брюшком, ковылял на своих тонких ногах, размахивая одной рукой в воздухе. В другой он сжимал пачку грязных листов, с которых читал.

Не переставая выкрикивать какие-то слова, смысл которых Себ так и не смог уловить, Юэн прибавил шаг. Там, вдали, безмолвно мигал огонек, до которого ему не терпелось добраться.

За Себом ползли остальные. *Они* были стары, исполнены страха и горели желанием видеть его своим лидером. И он вел их вперед, сам не зная куда. Он старался не смотреть на них, только слышал, как их голые ладони и колени шлепают по половицам. Внезапно звук изменился: теперь под ногами были сырые, скользкие кирпичи. Его дом больше не был его домом. Они брели по огромной канализационной трубе, которая постепенно устремлялась вверх. До его слуха то и дело доносились бессмысленные мольбы.

– Там есть свет? – спрашивал один.

– Вы не видели мою сестру? – вторил другой.

– Я не могу вернуться, – словно в панике, бормотал третий.

Там впереди, за белесой завесой, их что-то ждало. Нечто, что они боготворили или просто страстно желали. Себ этого не понимал, но, похоже, толпа считала брезжащий впереди свет выходом из этой сырой канализационной трубы, по которой бежала холодная черная вода.

В конце концов Юэн раскидал все свои листки и принялся размахивать своим стоптаным ботинком, будто кадиллом священника. Ботинок был наполнен черной землей, и Юэн пальцем рисовал что-то на сырых кирпичных стенах. Это были детские каракули, нарисованные наспех и каждый раз одни и те же: длинная сгорбленная фигура на четвереньках, с головой, закрытой грязным мешком.

– Мы обречем себя и найдем дорогу назад, – сказал Юэн Себу, и кто-то за его спиной в припадке преданности воскликнул:

– Да!

Вскоре Себ обнаружил, что держит над головой, как драгоценный сосуд, свою любимую салатницу. Она до краев была наполнена черной землей, чтобы Себ мог время от времени пополнять содержимое ботинка Юэна. И каждый раз процессия замедляла свой ход и останавливалась у кирпичной стены, пока Юэн рисовал свои граффити.

На пороге комнаты, где мигал свет, Юэн наклонился и затянул ремень вокруг шеи Себа. Затем втолкнул его в мерцающее пространство, где звуки слышались задом наперед. Себ не чувствовал своих ног: они как будто были парализованы. Он ощущал лишь, как их пронзали

тысячи иголок и булавок. Его проволокли по полу, который вонял, как грязная обезьянья подстилка в жаркий день в зоопарке.

Плача от желания достичь мерцающего света, он вдруг обнаружил, что скользит вниз по этой грязной трубе. Он вернулся в самое начало пути и с фанатичным упорством опять пошел вперед по скользким кирпичам.

Время от времени там, наверху, кто-то вскрикивал, кто-то, повиснув вверх ногами, тянул к нему длинные руки. Сквозь толпу тонких бормочущих людей Себ продолжал двигаться к свету.

Конец кошмара был ужасен, хотя и без особых зрительных спецэффектов. Себ проснулся с ощущением, что его тело только что было подвешено в темной пустоте, где не существовало силы притяжения. Он висел вверх ногами, и *что-то* приближалось к его ступням. Оно походило на гигантский рот, готовый проглотить его целиком. Себ начал выкручиваться и едва не свалился с кровати.

Себ проснулся весь в слезах, сел, ему не хватало воздуха. Он был слишком напуган и возбужден, чтобы спать дальше. Фрагменты сна, врезавшиеся в его память, поражали своей яркостью.

Он чувствовал, что там, внутри этого мерцающего света, были его отец и мать. Звали ли они его? Он не был в этом уверен, когда проснулся, но чувствовал их присутствие, и это чувство заставляло его тосковать по мерцающему свету с такой силой, что именно она вырвала его из ночного кошмара. Несколько минут он сидел, плохо соображая, что с ним и где он находится. Потом воспоминания о прошлом вечере стали постепенно возвращаться. Он ненавидел себя за то, что позволил трусости взять над собой верх.

Себ взглянул на часы. Было два часа дня.

Как?

Последние несколько недель вконец измотали его. Он попытался объяснить свой ночной кошмар тем, что сейчас как никогда остро ощущал себя жертвой. Этим объяснял он и клаустрофобию, что преследовала его в этих снах. И все больше и больше винил во всем Юэна. Юэн глубоко проник в его жизнь. Он засорял не только его дом, но и его сознание. И это было только начало. Первый круг ада. Юэн больше не отпустит его ни днем ни ночью.

Себ спустил ноги с кровати.

Он вышел из своей комнаты и остановился. Над головой слышались звуки шагов. Шарканье и топот, перемежающиеся с тихой болтовней телевизора.

Тихонько скрипнула и с глухим ударом захлопнулась дверца буфета. Щелкнул выключатель. Из-под сломанного кольца банки с шипением стал выходить газ. Громкость телевизора прибавили настолько, что картина на стене в коридоре завибрировала. Что-то тяжелое упало на пол гостиной, закачалось и покатилося.

Себ поднялся наверх, продираясь сквозь облако хорошо знакомых запахов скотного двора, мочи, разложившихся на солнце моллюсков и давно немывтого тела. Что-то еще связывало все эти запахи воедино: нечто, напоминающее запах горелых костей.

Он закашлялся от вони, но легче не стало. Весь дом пропитался этим зловонием. Оно сочилось из гостиной, которую оккупировал Юэн, и наверняка уже заполнило и кухню, и рабочий кабинет.

Он представил себе, что будет чухать этот запах повсюду, что все его вещи неделями будут вонять Юэном, и его передернуло от отвращения. Так же было и в Лондоне. Его запах впитался в обивку мебели, проник в содержимое комодов и платяных шкафов, доносился с каждой книжной обложки и с каждой мелочи, стоящей на полке. Этот запах преследовал Себа еще много недель после того, как он съехал.

Юэн не должен больше здесь оставаться. Нужно бежать в город и снять деньги. Возможно, придется арендовать комнату для Юэна и платить за нее, пока Себ не узнает, что

ему нужно. Один платеж – и все будет как в Лондоне. Он ненавидел себя за эти лицемерные попытки уладить все миром, но не видел другого способа избавить свой дом от этой вонючей угрозы.

Необходимо было все хорошенько разузнать, проконсультироваться с юристом по поводу получения запретительного ордера, добиться которого, наверное, будет не так-то просто. Придется привлекать полицию и суд. Может быть, появление полиции достаточно напугает Юэна, и он перестанет являться. Хотя Юэн отчасти был во многом прав. Его угрозы не были пустыми словами, и Себ пока с трудом представлял себе, как объяснить полиции суть своего заявления и не показаться им сумасшедшим.

На лестнице второго этажа Себа неожиданно прошиб пот. Он услышал, как на кухне над его головой ревет бойлер. Центральное отопление было включено. Свет горел во всех комнатах третьего этажа, кроме гостиной: здесь сквозь приоткрытую дверь были видны лишь отблески телевизионного экрана.

Себ ворвался в гостиную, и на мгновение у него закружилась голова. Телевизор то ярко вспыхивал, то тускло мерцал в темноте. Дикая вопли разрывали колонки так, что трясся пол. Себ каждой клеточкой ощущал эту сумасшедшую вибрацию.

Телевизор показывал музыкальный канал «Scuzz»²⁴.

Стоял теплый солнечный день, но балконные двери были наглухо закрыты, а жалюзи опущены.

Крепкий запах спиртного и фастфуда успешно конкурировал со всеми остальными ароматами. Себ закашлялся, и его чуть было не стошнило.

Во мгле в дальнем конце комнаты в его любимом кресле развалилась долговязая фигура Юэна. Ботинок с одной ноги был снят, а сама ступня лежала на колене другой ноги. Экран телевизора сверкнул яркой белизной, и Себ увидел весь ужас этой отвратительной сцены.

Оскалив свои желтые зубы и сморщив нос, Юэн сосредоточенно двумя грязными когтями расчесывал псориазные бляшки на подъеме стопы.

– О боже, – пробормотал Себ, когда его собственная нога наткнулась на пустую банку из-под пива. Он отфутболил ее к двум другим, валяющимся около тумбочки, и автоматически отметил, что это были банки из-под очень крепкого сидра – такой в его холодильнике не водился.

Мысли путались в голове. С трудом сконцентрировавшись, он нашел на кофейном столике пульт и убавил звук до минимума.

Юэн натянул на ногу останки черного носка.

– Чешется, – пожаловался он.

– Неудивительно, – констатировал Себ.

Когда они вместе снимали квартиру, Юэн всегда считал гостиную своей территорией. Он подолгу сидел у телевизора почти вплотную к экрану, как ребенок, которому никогда не говорили, что так делать нельзя. Теперь, казалось, все возвращалось на круги своя. Юэн вновь пытался превратить гостиную в жалкое подобие своей старой спальни в переулке Уилдинг. Обитель хаоса.

Себ чуть было не задохнулся от злобы. Что заставило его забыть то, что он собирался сказать? Возможно, его обезоружило то, как Юэн на него смотрел: он не отводил глаз, взгляд его был спокоен и полон достоинства. Когда-то в детстве так на Себа смотрела кошка. От ее спокойного взгляда ему становилось не по себе: ощущение вины не давало покоя, как будто она подозревала его в чем-то очень плохом.

Как и кошка, Юэн ждал дальнейшего развития событий. Это были глаза человека, не способного доверять. Он бросил вызов судьбе и теперь ждал, что она ответит ему.

²⁴ «Scuzz» – с 2003 по 2018 г. был британским круглосуточным телеканалом с рок-музыкой и металлом.

Стараясь избежать пристального взгляда этих черных глаз, смотрящих прямо в душу, Себ отвернулся.

По всей комнате были разбросаны книги, которые Юэн поснимал с полок: небрежно брошенные на пол или на стол, с топорщащимися страницами или оставленные раскрытыми и положенные обложкой вверх. Рядом с креслом, на котором расположился Юэн, лежало первое издание собрания сочинений Оливера Онионса²⁵, на суперобложке красовалась пустая банка из-под пива.

Себ бросился через всю комнату и схватил книгу. Суперобложка была теперь отмечена круглым, почти высохшим следом, от которого разило укусом.

– Бог мой! – воскликнул Себ.

Юэн хихикнул.

– Ты знаешь, насколько это ценная книга?

Юэн пожал плечами:

– Это ведь просто книга.

– *Моя* книга!

– Ого, – благодушным тоном произнес Юэн, прежде чем вновь захихикать. – Какая шишка, только послушайте!

– Нет, это *ты* меня послушай!

В эту самую минуту Себ заметил заляпанный рюкзак и две пухлые коробки, скромно пристроившиеся у стула. *Багаж*.

Значит, пока Себ спал, Юэн выходил, чтобы притащить *свои вещи*. Еще две банки того же крепкого сидра стояли на ручке любимого кресла Себа. На кофейном столике лежали два больших батончика «Марс» и три пакета сухариков. Провизия наверняка была принесена в грязном рюкзаке Юэна или добыта где-то еще, пока Себ, временно потерянный для этого мира, грезил о мире ином.

Входная дверь автоматически закрывалась, стоило ее хорошенько захлопнуть. Себ отложил книгу.

– Ты... Ты выходил. Но потом снова вернулся. Как... Как, черт побери, ты открыл дверь, чтобы попасть обратно?

– Ключом. – Казалось, вопрос несказанно удивил Юэна: как же еще он мог войти, оказаться в кресле Себа и поставить у ног свои вещи?

– Ключом? – фальцетом воскликнул Себ, начавший вновь терять ощущение места и времени от дикости создавшейся ситуации.

– Он висел на крючке на кухне.

Юэн взял запасной ключ от входной двери, который висел на кухне. *Что еще он взял?* Тут он заметил приоткрытую дверь в его кабинет.

– Ну все! Я вызываю полицию!

И он бросился к домашнему телефону.

Юэн всюду забавлялся.

– Я просто ходил за своими вещами. Я принес их, чтобы продемонстрировать тебе кое-что очень интересное. Вчера мы уже говорили об этом.

Пальцы Себа, набирая номер, на мгновение замерли. Он постарался внести в свой голос всю пренебрежительность, весь скептицизм, на который был способен:

– Мне не интересно, что ты там собирался мне показать. Ты украл мои ключи и вломился в мой дом. Это частная собственность. Или ты не в своем уме?

– Я думал, ты не будешь против.

²⁵ *Джордж Оливер Онионс* (1873–1961) – английский писатель, автор около сорока детективных, исторических и научно-фантастических романов и сборников рассказов, из которых наиболее известна повесть «Манящая».

На полу стояла тарелка, измазанная томатным соусом. Вокруг валялись скрученные бумажные салфетки. При виде этого Себа вновь затрясло от злости. *Он ел здесь!*

Он сделал глубокий вдох и положил руку на грудь, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце. Сел на диван.

– Нам нужно поговорить.

– О чем?

– А ты как думаешь?

– Я столько времени ждал, пока ты проснешься.

Себ постарался успокоиться и как можно тише произнес:

– Ты не можешь здесь оставаться. Положи ключи на стол. Немедленно.

Юэн уставился на него. Его взгляд выражал одновременно и жалость, и веселье, глаза бежали от выпитого спиртного.

– Посмотри на это место. – Голос Себа срывался, ему трудно было дышать от едва сдерживаемого гнева. – Во что ты превратил его всего за несколько часов?

Юэн вихрем пронесся по комнате.

– На что, прости, мне надо здесь смотреть? На что?

Себ хлопнул ладонями по подушкам дивана.

– Неужели ты ничего не видишь?

– Что ты имеешь в виду? Я столько всего вижу! А вот ты действительно вызываешь у меня беспокойство.

Себ с мольбой, призывая какие-нибудь высшие силы помочь ему, посмотрел вверх. Он не мог позволить Юэну втянуть себя еще в одну перепалку, бессмысленную и пустую, победителем в которой Юэн все равно будет считать себя. Это было тем более невозможно в угнетающей атмосфере запахов его немывтого тела и нестираной одежды.

– Я хочу, чтобы ты ушел. Сейчас же, – неожиданно для себя Себ взвизгнул, поэтому вся фраза прозвучала глупо.

– Почему, прости?

– Тебя сюда никто не приглашал! А какой беспорядок! Что ты, черт побери, тут натворил! Здесь воняет! Ты уничтожаешь мои книги! Мои вещи! Все, до чего дотрагиваешься! – Обхватив голову руками, Себ причитал: – Боже, боже, боже! Это мой дом. Тебя сюда не звали. Что ты здесь делаешь? Что ты делаешь со мной?

На лице Юэна появилось выражение усталости и пьяного смущения. Он вновь захихикал.

– Это не шутка! – Голос Себа вновь сорвался. – Я знаю, что у тебя очередные неприятности. Но твой злейший враг – ты сам! И это не мои проблемы. Ты должен уйти.

Юэн протянул руку и взял одну из банок, что стояли на ручке кресла. Сделал большой глоток. Наблюдая за этим простым, незамысловатым, беззаботным действием, Себ почувствовал, насколько сильна его ненависть к Юэну, как страстно он желает, чтобы тот был уничтожен. Желает *сам* уничтожить его.

– Ты не слышал, что я тебе сказал? Проваливай.

– Прости, но куда?

Себ воздел руки к небу.

– Да откуда мне знать? Это меня не касается. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Туда, откуда ты выполз.

– Нет, – Юэн покачал головой. – *Туда* я больше не вернусь.

– Домой. К матери, если она еще жива.

– Жива, но нет. Она сделала все, что могла.

История снова повторялась, как будто скользила по петле, сделанной из грязных волос. Собрав в кулак всю свою волю, Себ постарался как можно спокойнее сказать:

– Я не хочу, чтобы ты был здесь. Найди себе где-нибудь комнату.

Как бы со всех сторон обдумывая полученный совет, Юэн сделал еще один большой глоток.

– Нет, это больше не для меня. – Он рассмеялся. – Да и денег у меня не хватит. Эти комнаты – жуткое место, я жил в нескольких. Здесь мне нравится больше.

Себу едва хватило воздуха, чтобы выдавить из себя:

– Не кажется ли тебе абсурдным что-либо из того, что ты говоришь?

– Я не понимаю...

– Ты запросто заявляешься сюда. В мой дом. Прошло двенадцать лет с тех пор, как мы последний раз виделись в Лондоне. Туда, кстати, тебя тоже никто не приглашал. Мы даже не были близки, когда ты вылетел из университета. Фактически мы ненавидели друг друга. Но ты... ты пришел сюда. Ты зашел в мой дом и просто...

– Что, прости?

– Ты отказываешься уйти, когда я прошу тебя. Это что, такая месть?

Юэн пожал плечами.

– Это мой дом. Я решаю, что здесь происходит. Ты это понимаешь?

– Я думаю, ты упускаешь из виду...

– Нет! Это *ты* упускаешь из виду! Это частная резиденция, а не приют для пьяниц. У тебя здесь нет никаких прав. А ты даже посмел взять мои ключи. Мои ключи! Один телефонный звонок – и тебя арестуют.

Юэн взглянул на банку в своих руках. Его лицо помрачнело.

– Неужели ты не видишь, что я привык жить в одиночестве? – настаивал Себ.

– Я тоже. Но я думаю, этот дом достаточно велик для двоих. Тут просторно.

– Мне плевать, что ты там думаешь. Ты что, совсем не слушаешь, что я тебе говорю?

– Я слушаю.

– Тогда убирайся к чертовой матери. – Себ указал на дверь. – Я не хочу, чтобы ты был здесь. Я не желаю видеть тебя рядом с собой. Нигде и никогда.

– Нет.

– Что?

– Ты в замешательстве. Ты упустил самую суть.

Себ думал, куда позвонить сначала: в полицию или в социальную службу.

– Когда-то ты совершил ошибку. Течение твоей жизни было нарушено, и что-то пошло не так.

Себ снова закрыл лицо руками. На этот раз он крепко впился ногтями в кожу головы. Он не мог даже смотреть на Юэна. Уставившись в пол, он проговорил:

– Я найду, куда тебе пойти. Я оплачу. Мы встретимся на нейтральной территории. Ты покажешь мне все, что хотел, а потом свалишь отсюда. Как тебе такой вариант?

Воцарилось долгое молчание.

– Хорошее предложение. Но я думаю, это совсем не то, что я должен сделать. Видишь ли, я больше не хочу жить один: слишком трудно держать все под контролем. Я лучше останусь здесь. Нам надо столько всего обсудить. Я обязан наставить тебя на путь истинный, а ты передо мной в долгу.

Себ встал и рывком открыл жалюзи, чуть было не сломав их, широко распахнул балконные двери. Юэн зажмурился, когда поток ярко-лимонного света хлынул в комнату.

Себ ухватился за угол ближайшей к нему коробки из тех, что стояли рядом с креслом, где развалился Юэн.

Юэн подпрыгнул.

– Оставь ее!

Себ отпустил коробку и отошел в сторону. В висках стучало.

Взгляд Юэна был диким, его щеки пылали, толстые губы тряслись.

– Не трогай это. – Не сводя глаз со своих коробок, он предпринял попытку успокоиться. – Просто оставь их в покое. Ты не знаешь, через что мне пришлось пройти, чтобы достать это. Даже не представляешь, насколько это все ценно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.